

Испанская поэзия въ XVI столѣтїи.

либерализма отношенїи пьеса огеи слаба: въ ней нѣтъ поэзіи и весьма мало драматическаго дѣйствїя, — однако она любопытна по суратному смѣшенїю духа сфарин, нѣтъ милсерїи съ духомъ эклоу Хуана Энсини и комедїи Торреса Наарро; пьеса эта наглядно показывается къ какимъ мелочкамъ средьвѣкъ должны были при, бѣгае авторы, желавшіе въ одно и то же время и что, дѣла церкви и списае благоклонное публики, искав, шей развлеченїя и низавшей мало симпатїи къ мо, похвалѣ и оумелствикамъ.

Позомъ выступили писатели, какъ бы Хауме де Урре и Агостинъ Оррисъ, написавшіе пьесы, еще ближе под, ходившія къ зину, созданному Торресомъ Наарро. Мы можемъ здѣсь коснуться ^{нѣтъ} только мѣлодомъ.

1) Fuente de Fleete, котораѣ на заглавномъ листѣ одной пьесы объявляеъ, что онъ самъ аррагонецъ, и это все, что мы знаемъ о немъ. Одна изъ его пьесъ носилъ заглавіе: „Comedia llamada Vidriana, compuesta por Fuente de Fleete agora puevamente“ etc. Въ ней изобра, жена любовная педорїя одного дворянина и аррагонской гакки, упробившихъ автора совлае ее сюжетомъ своей драмы. Въ пьесѣ дѣста дѣйствующихъ лицъ и она закан, чиваеъ извѣщенїемъ со стороны автора, что онъ не мо, саетъ писае какъ Меса. Но пьеса очевидно написана въ подражанїе Наарро. Другая пьеса того же автора

озаглавлена, *La Tesorina*. Ея полное заглавіе: „*Comedia intitulada Tesorina, la materia de la qual es unos amores de un penado por una Señora y otras personas adherentes. Hecha nuevamente por Fausto de Huete*“... Эта пьеса представляеть собою зоме явное подражаніе Торресу Каарро: въ ней есть безумленіе (*Fueroito*); она раздѣлена на пять актовъ (*Jornadas*) и написана короз., или сфухами. Въ ней зоме десять действующихъ лицъ. Въ концѣ упоминаеть имя Каарро съ весьма лестныи, или для него озывали авзора, который въраснаеть¹⁾ на, десиду, что Луза его пайдезь благосклонный приемъ „*quavis non Torris digna Navarra venit.*“ Но пьеса была впоследствии запрещена инквизиціей. Наконецъ

2) Агостинъ Ортуисъ, который изъводезь своей пьесы, или пьесой, озаглавленной: *Comedia intitulada Radiana, compuesta por Agostin Ortiz*. Она раздѣлена на пять jornadas и имьеть десять действующихъ ^{лицъ} очевидно изъ, подобенное число. Она написана въ зоме сфухи, съ *Introito* въ началѣ и съ *Villancico* въ концѣ, какъ пьеса Торреса Каарро и Лаче де Уэзе, и не орабляеть ни малѣйшаго сомнѣнія, что драматическая пьеса Каарро сама себя подражаетъ и цѣлнзолей въ Испаніи. Но народная, все еще орабалась не зоме, мудою. За исключеніемъ драматическихъ представленийъ религіознаго характера, находившихся въ рукахъ

¹⁾ въ лозинскихъ сфухахъ.

духовенства, не было ни одной драмы, въ которой игра, нимало бы украсилъ народъ.

Лопе де Вуэда, основатель

+ 1567г.

народнаго испанскаго театра.

Откуда основатель народнаго испанскаго театра былъ наконецъ съсланъ и съсланъ съ успѣхомъ. Творилъ былъ Севильскій ремесленникъ, Лопе де Вуэда, золотыхъ делъ мастеръ по ремеслу, съдѣлавшійся, по прикинулъ намъ неизвѣстнѣе, актеромъ и драматургическимъ писателемъ. Намъ неизвѣстно даже, когда онъ родился. Мы знаемъ только, что время его дѣятельности обнимаетъ періодъ между 1544 и 1567гг.; въ зтомъ послѣднемъ году о немъ уже упоминается, какъ о въ умершемъ. Мѣсто его драматургической дѣятельности служилимъ Севила, Кордова, Валенсія, Сеговіа и другіе города, гдѣ разыгрывались съ успѣхомъ и не безъ выгоды для него его комедіи и фарсы; въ 1558 году онъ давалъ свои представленія въ Сеговіи, въ повольствіи содворъ въ дѣленіе медальи, слѣдовавшей за его освященіемъ. На этихъ представленіяхъ присутствовали молодке, впоследствии прославившіеся сочинителями, Сервантесъ и Антонио Пересъ, козорые оба отзывались съ воспоргомъ о въ его сценическомъ талантѣ. Первому изъ нихъ было двадцать лѣтъ въ 1567г., упоминается о въ годовомъ имени Вуэды, а второму восемнадцать. О представленіяхъ Вуэды

въ Сеговийскомъ соборѣ говорили, что на сценѣ, черр-
енной между хорами „Lope de Rueda, знаменитый ак-
теръ (famoso comediante) того времени, разыгрывалъ за-
бавную комедию (gustosa comedia).¹⁾ Сльдобавлено Рueda
еще при жизни пользовался замѣтательными цѣн-
ками, а по смерти, не смотря на то, что онъ принад-
лежалъ къ презираемому и отверженному сословію
актеровъ, онъ былъ похороненъ съ почестью среди лю-
да испанскихъ колотанъ большого собора въ Кор-
добѣ.

Произведенія Рueda состоятъ изъ гезарей комедій,
двухъ пастушескихъ Coloquios, дееди Páras или dialo-
говъ въ прозѣ и двухъ диалоговъ въ стихахъ. Эти два
стихотворныхъ диалога весьма любопытны, какъ един-
ственные дошедшіе до насъ образчики его поэзіи, если
не считать нѣсколькихъ пьесъ и одного отрывка
сохранныма Сербантесомъ.²⁾ Всѣ пьесы Лопеде Рueda
очевидно были написаны для сцены и несомненно,
но разыгрывались передъ публическою сбрансвующей
группой, во главѣ которой стоялъ самъ авторъ. Но
главною цѣлью разнообразныхъ формъ драмы, создан-
ныхъ Рuedой, было желаніе позабавить публику низ-
шаго класса. Однако для достиженія этой цѣли, де-
уралины приспособленія, которыми онъ распо-
галъ, были герозуръ бѣдны и несовершенны. „Во

1) „Historia Segovii" Diego de Colmenaresa (Segovia, 1622, стр. 516).

2) въ концѣ его „Páras de Argel".

время этого знаменитого испанца", говоритъ Серван-
 тесъ въ "Comedias Rólogo", "въ ^{Резимилеа екия} Бузафортеидъ принадлежи,
 носзи ^{Табла} унышались въ однопль мѣшкѣ и сошодли нѣ
 черырьхъ бѣльнѣ, ^{Falsetas} насущескииъ куррокъ съ кошмаными
 озворозали и съ ^{Vergolany de la fressa} позолозою, черырьхъ борода, коллекциѣ
 париковъ и черырьхъ или болѣе носоховъ. Пески, на
 подобіе эклопъ, сошодли нѣ разговоравъ между двухъ
 или зрѣнѣ наструхали и наструхкою. Въ нѣхъ ^{Таб} вѣравлѣлмес
 лѣтъ или зри и зернеди, гдѣ подвѣлмес негръ, негоднѣ,
 муръ, а иногда дускаецъ. Въ эзи черыре роли и многія
 другіи исполнилѣ самъ Бузда съ неподражаемилѣ ис-
 кусствомъ... Сцена сошодла нѣ черырьхъ скамеекъ, обра-
 зующихъ черыреугольничѣ и черлантнѣхъ досками, она
 возвшалалѣ надъ поверхносуго земли и не болѣе какъ
 на черыре пѣди... Старое одѣло, ордѣрживавшесѣ съ поно,
 шѣтъ двухъ веревокъ, ордѣрляло озъ публики закъ надъ,
 балуцо уборницо, гдѣ потѣнцалисѣ музыканты, козорые
 пѣли старинные романсы, не мѣлѣ даке гитарѣ для
 аккомпанименца."

Подобные первоначальные театры обыкновенно устраи-
 вались на площадяхъ, и предшавленіи начинались, ког-
 да собиралось достаточное количество зрителей, и до по-
 лудня и послѣ полудня, закъ какъ въ концѣ одной изъ
 своихъ пьесъ Бузда прилашаецъ публику "разойтисѣ
 покуманъ и закълѣмъ возвратисѣ на свои мѣста (à la place).

Комедию Лопе де Вугда раздѣлены на сцены и не
 длинныя обихновенныя фарсовъ, съ козорыми онъ во
 обще сходны по характеру. Первая изъ нихъ „Los Enga-
 nos“ (Обманъ) или „Los Engañados“ (Обмануемое) содержишь
 въ себѣ перорито дочери Виремидъ, бѣснавшей изъ дома,
 сирѣчь, гдѣ она воспитывалась и посягнувшей въ калесерѣ
 пазна къ Марсело, своему прекрасному любовнику, поки-
 нувшему ее вслѣдствіе подозрѣнія въ нечестности.
 Клавела, особа, за козорою земерь ухаживающъ Марсело,
 влюбяется въ прекраснаго пазна, догъ въ догъ какъ
 Оливія въ комедіи Шекспира „Двадцатая ночь“ Шибъ,
 на эта дающъ поводъ ко многимъ эффектнымъ сценамъ
 и положеніямъ. Тразъ, близнецъ пазна-женщины,
 послѣ долгаго отсутствія возвращающъ до-ной, онъ на
 сурьско схоонъ съ сестрою, что оказывающъ взоромъ Соژیи.
 Появленіе его производить сначала сурьскую суматоху,
 но все кончается тѣмъ, что онъ женился на Клавелѣ,
 предосрабляя сестру ея прекрасному возлюбленному. —
 Здѣсь, по крайней мѣрѣ, есть забвзка и въ діалогамъ
 безрѣчатое мѣста весьма сурьочная, свидѣтельству.
 кощид о драматическомъ талантѣ автора.

Слѣдующая комедія — „кандога“, ищерець козорою
 деронией главными образами на пуранищѣ, возникаетъ
 кощид вслѣдствіе сходства между полицейскою вѣдъ,
 сурь цѣлканами молодой дѣвчнкой и героинею, ея

Ариостофана.

„Armelina“ или „Armelina“, гевверд и последняя из длинных пьес Лопе де Руды, ставилась другими по драматическому замыслу. Героиня, подкинутое дитя из Венгрии, после ряда странствий приключений, брошена в испанской деревне; здесь она усыновлена деревенским кузнецом, воспитывающим ее крошко и с любовью, в то время, как ее отец в Венгрии на миссию ее воспитывает с неменьшего доброго подруга сына того же кузнеца, привезенного сюда его недоброй матерью. Наконец отец героини догадывается, что его дочь находится в Испании, отправляется в сонор, воспитан своего воспитанника разыскивает ее. Здесь он обращается за советом к кузнецу - наору, который посредничает странствия царь вызывает из адской беды, как Медю. Последняя украшает отца, что дочь его находится в той самой деревне, где они все находились. Таким образом дворянка находить случайно увидевшей прибывшего из Венгрии юношу и молодые люди сразу влюбляются друг в друга. Не зная ничего этого, кузнец матеревается выдать свою дочь на башманника, которому он еще прежде отдавал ее. Обезразличество это влезает за собой самым печальным последствием. Что бы разрыв покончился со своим горем, молодая дворянка, как рываешь, утонуть и бросаешь в море, где Вензунь

прикидается ее въ свои обязанности и спокойно переноситъ въ жилище свое, на дно океана. Порокъ въ надлежна, мнѣйшій моментъ оны являея съ нами на землю и раздается, ея все дѣло. Пѣса заканчивается свадьбой и танцами. Все это крайне дико и нелѣпно, особенно въ сценѣ, гдѣ дѣйствующая съ одной стороны волшебникъ и Медякъ, съ другой — Мендуръ; но дѣль не меньше разговора бедныя живо, увлекаетъ, а вся пѣса написана слогомъ ересь, ветхость и болѣзнь.

Черезъ длинныя, нами доглаго то пройденная драмы де Рюда и много съ подвигами около того же времени первыми заказами англійской комедии, каковы напр. „Ralph Royster Doyster“ и „Gammer Gurton's Needle“. Оны дѣлалъ на языкъ называлъ сцены; нам, больше короткая изъ нихъ сообразъ изъ шести сценъ, нам, больше длинная — изъ десяти; въ сценахъ зрѣть мѣсто дѣйствія мѣняея рѣдко, а дѣйствующія лица весьма часто, — обходительство, не мѣняея впрочемъ большого значенія, языкъ какъ вся доглаго обстановка не задава, насъ серьезной попыткой произвезти сценическую м., мозио. Лопе де Рюда, по видному, не зналъ значенія слова сцена, или неправильно употреблялъ его.¹⁾ Не мало законъ способствовали устѣлу пѣсь двусмыслен, посяи и недоразумѣнныя, мѣняея свой изогнанный либо въ дурномъ произношеніи касимскихъ словъ

1) Это очевидно именно въ пѣрой сценѣ „Эфетія“, гдѣ при появленіи Валдыно происходить перемѣна мѣста дѣйствія.

лицами, трагичными роли Лавровъ и Негровъ. Каждая пьеса начинается короткимъ прологомъ, заключающимъ въ себя изложение сюжета и закончивается какой нибудь шуткой или извинениемъ передъ публикою. Безусловное замечала, въ высшей степени легкія, характерныя, чисто кашмирскія, одороны, добродушная, искренняя веселость, и удалное острое чувство юмора, гексаго, воспроизведение обыденныхъ нравовъ и обычаевъ — вошь выдающийся чертъ какъ длинная драматическая произведеній Лопе де Вуды, такъ и его остальныхъ, меньше одъишнихъ, мифологическихъ отъ, зовъ, которыхъ мы вкратцѣ еще должны коснуться.

Противъ всего между ними два насмешливые диалога (*Coloquios Pastorales*) олицетворяютъ оръ комедій меньше значительныя по сюжету и интриги и формально, венныя, педагогическія и весьма мало привлекательныя по формѣ. Въ сущности они суть же драмы и называются иначе только потому, что насмешливый тонъ пользовался всегда популярностью въ испанской поэзіи и со времени Эспины его сфера особенно пригодна для сценическихъ представлений. Если это въ *Coloquios* имѣетъ драматическое значеніе, такъ одни пьеса драматическая комедія. — Диалогъ „Тумъ, вѣя“ можетъ быть лучше характеризовать легкой и остротой венной сцены Лопе де Вуды, чѣмъ какая-либо сцена

из его драмы. Содержание этого диалога — спор между Лено, хитрым шутом и Троико, передвжной женщиной, — спор, в котором Лено сражаясь посредством разных уловок оправдываясь от обвинений в том, что он был самым сладким пиром, временной елму Шино, рией для передачи ей возлюбленному Троико.

Десять Rasos (= entremeses, интермедии) и только в том, что сходство с этим диалогом; это небольшой бойкий сценки без интриги и развязки, предназначенный похвалу бабушки на несколько минут праздничную публику. Сюжет, роль дворян Rasos слушать продолжки обзоры в роду Лено; в других происходят сценки между зрцами и пошляками; вообще сюжеты Rasos берут из обидной и жизни и образы очень остроумно. Весьма вероятно, что некоторые из них были заимствованы из драматических произведений, больше обширных и за, конечно, но незаслуживающих, но именно из, давая, без намеренных цитировать. Весьма ^{воз}можно, что первоначально Rasos слушали прологи к длинным драмам. В сущности rasos означают место в прозе. Имя не менее некоторых из отдельных произведений де Руде носили название rasos до тех пор, пока его полюбившая Шино не дала им название entremeses (интермедии).

Кроме этих десяти Rasos, или диалогов в прозе,

у Лопе де Руде безртыкатодей еще два диалога въ сужалъ.

Первый изъ этихъ сужаловорныхъ диалоговъ носить заглавие: „Prendas de amor“ (Залогъ любви) и имъеть ка-
рактеры пасторали; Это — споръ между двумя пастухами
о томъ, кто счастливѣе въ любви, зодъ-ли кто получилъ
одъ своей возлюбленной кольцо или зодъ, кому подарена
серьга? — Диалогъ написать легкими плавными грин,
tillas и не длиннѣе прозаическихъ диалоговъ этого
автора. Второй озаглавленъ: „Dialogo sobre la invenci-
on de las calzas que usan agora“ (Диалогъ по поводу изо-
бръженія модныхъ панталонъ). Онъ написать таки,
ли еще легкими сужалми, какъ и первый, но гораздо
больше носить на себѣ слѣдовъ оригинальной манеры
Руде. Разговоръ происходитъ между двумя слугами
и начинается прямо съ слѣдующаго:

Пасторъ. Сингоръ французъ, что вы закъ позовете ли?
Не панталонъ ли приглаго этого превращенія? —

Французъ. Сингоръ, это модные панталонъ.

Пасторъ. Я ихъ приидлъ за юбку.

Французъ. Я нисколько не съвоиусъ этого сходства. Развъ
можно носить закъ, какъ ваши? Мой другъ, закъ ихъ
уже болше не носить.

Пасторъ. Мо голье вы ихъ подбили, что они закъ такъ можно
держаться?

Французъ. О, бездѣлицей, сфарото щедкою и поношенными

плащелью; безъ этого моднае панталонки не мыслимы.

Пералга. Я, съ своей стороны, посоветовала бы положить въ нихъ законе и гиракъ (qualdrara).

Фруэнце. Многе записываютъ въ нихъ множество соломы и сѣна, чтобы они казались еще пышнѣе.

Пералга. Въ зрѣль въродуно цѣрросно цѣлое помызе, не для симвоныхъ.

Фруэнце. Я знаю, что въ панталонки кладутъ также драго, цѣнныя вещи, чтобы придаѣть имъ болѣе цѣнности.

Пералга. А я не знаю, откого-бы человѣку, набивающему свои панталонки соломото, не заказать себѣ ^{some fabric} въточное етъ. ло. . . .

Мстныя драмы завистель главныхъ образовъ ози роли музовъ или просаковъ (Simples), которые въ драмахъ Лопе де Руде являюся важными действующими лицами и почти не сходять со сцены. Надо замѣтить, что первые очерки зрѣль simples, преобразовавшихся впоследствии въ graciosos, вертѣются уже въ пьесе Висенце „Palcos“. Однако изъ всего видно, что Лопе де Руде по-настоящему на насъодящую дорогу и вошь пошелу Сервантесу и Лопе де Вега справедливо признавали его искум, пьель основателемъ народнаго испанскаго театра. Сервантесъ называетъ его и великимъ Лопе де Руде (el gran Lope de Rueda) и „el primero que en España“. . . и Лопе де Вега говоритъ: „Las comedias no eran mas antiguas

que Rueda, á quien oyeron muchos que hoy viven: Pero, изведения Лопе де Руде были собраны после его смерти его другомъ Льяносомъ Памонедой подъ заглавиемъ: „Las Quatro Comedias y Dos Coloquios Pastorales del ex, celente poeta y gracioso representante, Lope de Rueda.“ Севилья, 1576 г.

Лопе де Руде — представитель того южного реал, мизма, который воодуше проникнува испанская поэзия, начиная съ половины XVI столетия. Онъ, сама, тала прозой актеръ, а впоследствии директоръ весьма популярной театралной группы, продолжалъ разра. бывать пасторальную поэзию, но особеннаго влияния онъ достигъ, благодаря впервые доведеннымъ имъ до извѣстной обрабатанности „pasos“, или короленскимъ сценкамъ шуточно-комическаго содержания, козо, рядъ разогривался объективно передъ началомъ большаго, главнаго пьеса или въ промежутки между ними (Entremeses). Писалъ онъ свои произведения болшего гасею прозой и при томъ съ заимъ ошмивлен, нямъ юморомъ, что его pasos вскоре стали при, влекать множество зрителей и фольско, благодаря этимъ пьесамъ, съ содержаниемъ, заимствованнымъ изъ все, дневной жизни, такъ корид комическаго фигура при, обрѣли на испанской сценѣ право гражданства и сдѣлались постоянными фигурами. Ихъ поэтико всего

скорее сравнить съ нѣкоторыми старо-нѣмецкими кар, навальскими пьесами (Fastnachtspiele) и съ болые фран, ными фарсами Старинской группы „Vagache“.

Школа Лопе де Руды.

Въ составѣ группы Лопе де Руды находились два лирициста, бывшіе, подобно ему, и драматургами и ак. торами въ тѣхъ. Первый изъ нихъ былъ Алонсо де ла Вега, умершій въ Валенсіи, въ 1566 г., — въ томъ самомъ году, когда зрли его прозаическія драмы, изъ которыхъ одна, прямое подражаніе урфелло, были изданы Ху. аномъ Пимонедою. Другой — Антонио Сиснеросъ, дожив. шій до 1579 года и сочинившій гооме драмы. И тотъ, и другой гораздо ниже Лопе де Руды и Хуана Пимоне. да, но все они въ тѣхъ мѣстахъ въ свое время громад. ное вліяніе на театрѣ, вліяніе, которое не прекрази. лось и до сихъ поръ; доказательствомъ тому служатъ кражкія драматическія произведенія, которыхъ съ ихъ легкой руки навсегда сдѣлались популярны на испан. ской сценѣ.

Непосредственно къ Руды примыкають именно Хуанъ де Пимонедо и Хуанъ де ла Круза.

Первымъ изъ послѣдователей Лопе де Руды былъ другъ его и издатель его сочиненій Хуанъ де Пимонедо (Хуанъ де Тимонедо), Валенсійскій книгопродавецъ, жив. шій во второй половинѣ XVI столѣтія и умершій, веро.

Видно, въ глубокой старости, вскорѣ послѣ 1598 года. Мнѣ, поцѣй извѣстную долю образованности, Птишонда тоже написалъ рядъ драматическихъ произведеній. Две изъ нихъ озаглавлены „Comédias“; одна изъ нихъ „Aurelia“ написана короткими сценами, раздѣлена на *interjor*, *padas* и *interjor* *introito* по образцу Каарро; другая же „Cornelia“ дѣлится просто на семь сценъ и написана по примѣру Лопе де Руды прозою.

Сюжетъ этой пьесы („Cornelia“) нѣсколько запутанъ. Дѣйствующихъ лицъ здѣсь двѣдцать: юная особа, подвизавшаяся въ доухѣ маврами и вображившаяся въ чуждѣ мѣсть на родину, гдѣ никто не узнаеть ея; обманутой жены сумасброда, очень забавной немолодой на свое горе, благодаря цѣлительной въ нелѣ доухъ оуру, ундя, Паскино, на половину докторъ-шарлатанъ, на половину мать и волшебница, а въ сущности оуявленнѣйшій плутъ и еще нѣтъ или шестъ личностей, такъ что обиліе матеріала далеко не сообразуется небольшому объему пьесы. Нѣкоторые изъ діалоговъ полны жизни и движенія; два или три характера превосходно очерчены, въ особеннѣйши характеръ мужа Корнеллы. Это до главного дѣйствующаго лица — мать и волшебница — то оно являеться сколько съ героя поставленной на сцену почти за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ комедіи Аріосто „Неготанте“ („Вернокнижникъ“). Франкъ, свидѣтельству,

юций, это Тимонета, если и сурдавалъ осужденіемъ оригинала, мосьи, то не была лишена извѣстной доли образованно, сти и начитанности. Подъ полнымъ заглавіемъ: „Con privilegio. Comedia llamada Cornelia, nuevamente compuesta, por Juan de Timoneda. Es muy sentida, graciosa, y uozijada. Año 1559“ пьеса эта появилась въ первый разъ въ печати въ 1559 г.

Прозаическая комедія „Мененнос“ („Близнецы“), появившаяся въ печати въ томъ же году, какъ и „Cornelia“, слюзишь повелѣть повелѣть доказательствъ начитанности автора. Это — переводъ или скорѣе подражаніе „Менех, халъ“ Плавта. По крайней мѣрѣ сюжетъ этой пьесы заимствованъ у Плавта, хотя Тимонета сдѣлала въ немъ значительныя измѣненія. Дѣйствіе происходитъ въ Севильѣ, пьеса раздѣлена на четырнадцать сценъ по примѣру Лопе де Руды. Разговоры въ ней болѣею частью ведутся бойко и естественнo и кажутся какъ будто выходящими изъ души, какъ вообще въ драмахъ Тимонеты; словесно, какъ забавная передѣлка (trifacimento) комедіи Плавта, она читается съ удовольствіемъ. Въ ней даже упоминается Лазарильо де Торресъ по поводу одного безнравственнаго молодого слуги и она открывается въ себѣ чисто испанскіе нравы. Ея полное заглавіе: „Con privilegio. La Comedia des los Menennos, traducida por Juan Timoneda y puesta en gracioso estilo y elegantes sen,

lencias. Año 1559.

Надоболье характеристичной и для автора и для иже-
ла, къ которой оны принадлежатъ, слышеть Пало, не,
большая пьеса подъ заглавиемъ „Palo de dos Ciegos y
un loro“ (Слѣпые Нищие и Малчикъ). Она написана
ся ея поэтесса, въ которой малчикъ Палимъ съобра-
щая къ публикѣ съ просбодоу дасть ему мѣсто и въ дога,
заключено своихъ способностей разсказываетъ, какими оустро-
умствами способствъ оны обокралъ своего хозяина, слѣплого
нищала. Въ эту минуту слѣплой нищей, о которой идетъ
речь, по имени Мартина Альваресъ, показывается на углу
площади, раставая полизубу; въ то же время съ прозиво,
положительной стороны той же площади идетъ другой слѣплой
Перо Томесъ, собрать первого по ремеслу. Мозъ, и другой
предлагають свои полизубы въ обмѣнъ на милосерднн
и злыя насойлиבותъ, что дало происходить наканунѣ
Рождества. Мартина Альваресъ поеть:

„Благосердивые христіане, кто изъ васъ закажетъ
мнѣ противъ особую полизубу, вновѣ сложенную въ честь
Богородицы?“

Услыхавъ хорошо знакомый голосъ, малчикъ Пал-
мъ оушущаетъ срачь и хогеть образицца въ бѣгство,
но, вспомнивъ, что въ зломъ мѣзъ необходимоси, закъ
какъ нищей слѣпль, спокойно оуаеця на мѣстѣ въ то
время, какъ его преслѣннй хозяинъ продолжаетъ:

заедемъ же къ протѣ, вѣдъ реверс канцль Розидеува,
молитву, что поговъ въ гесъ Розидеува Хрисова:

Но какъ ^{какъ} ~~нико~~ не подаеъ ему милосердио, зо отъ вос,
клицаеъ:

„Иисусе! Я никогда ничего не видалъ подобнаго,
судакъ овладѣваеъ мною: у меня пересохло въ горль оу
распываемыхъ мною молитвъ, а прибали ни на грошъ.
Мужели люди судли какъ жадны, что жалеть детель
на молитвы?“

Подходиъ другой сѣтливой киниъ Перо Томель и закъ,
гиваеъ:

„Почтенные люди, кто изъ васъ попросиъ меня
помолитсѣ, за зѣкъ я пропою съ благоговѣнїемъ пока,
лнны псалмы, за козорые папа Климентъ даровалъ
оушущенїе грѣховъ и крошь зого... молитву на Розидеува
Хрисова“ — „Noble gente,

Que rece devotamente

Los salmos de penitencia,

Por los cuales indulgencia

Otorgo' el Papa Clemente? . . . .

La oracion del nacimiento

de Christo.“

Сѣтницы, узнавъ другъ друга по голосу, берунаюъ въ
разговоръ, воображая, что они одни. Албваресъ разсказъ,
ваеъ, какъ его одворовалъ пощенникъ проводникъ, а

Перо поясняетъ, что отъ во избѣжаніе подобнаго неслучія, всегда зашиваеъ собираемые или дукаты въ шапку. Выслушавъ все это Палмиго, медовою слюной сверхъ того фолько-то даннѣмъ объ немъ озывомъ, подкрадываеъ къ Перо Томасу, сбиваеъ съ него шапку и убогаеъ съ немъ. Томасъ полагая, что слѣпой зоварникъ подшучивъ надъ нимъ, вѣжливо проситъ его возвразить шапку. Амева, рещъ озываеъ, конечно, поимѣмъ незнаніемъ о случившемся; Томасъ насраиваеъ на своемъ и споръ ихъ оканчиваеъ скорою и дракою, къ великому удовольствію зого сорца публики, козоя собирается на площадяхъ Ва, ленси или Севильи.

Пьеса написана корозкини не советель правительств, ми срихали, но воспроизводитъ весьма вѣрно современныя нрава. Обычай пуга на улицахъ народныя пьески всякаго рода была весьма распространены въ Испаніи со времени Тизскаго пресвитера (Сорла 1438) и сохранился до нашихъ дней. Пликору не разъ случалось слышать и даже записатъ несконско романеовъ въ обмѣтъ за подаѣніе, совершенно такъ, какъ это происходитъ въ Пьесѣ Плимонедо.

Тринадцатъ или четырнадцатъ написанныхъ Плимонедой пьесъ носятъ разныя заглавія и въ драматургической сренени разидаеъ одна отъ другой по характеру; лучшая изъ нихъ тѣ, козоя наиболее окрашены народнымъ

колоризованъ. Серере нѣтъ нѣтъ послѣзъ названіе „Pazos“, а же, зуре „Faldas“, — онѣ вѣтъ вѣтъ вѣтъ между собою. Кро-
мѣ того въ числѣ пѣсѣ Тимонедѣ находилась одна, козо,
рѣзо можно бы называтъ интермедіей (Entremes); одна тра-
гикомедія, представлявшая собою сѣтъметіе мифологій
съ новѣйшей исторіей; наконецъ пѣса релігіознаго харак-
тера (Auto), содержащая въ себѣ исторію похерямной общины.
По всему видно, что Тимонедѣ основывалъ цѣлѣ вѣтъ
своихъ пѣсѣ на бойкихъ и забавныхъ діалогахъ, напоми-
нающихъ діалоги Лопе де Вуды; и что все его пѣса пред-
назначались для представления на городскихъ площадяхъ.

Хуанъ де ла Куэва (Juan de la Cueva) жилъ съ 1550 го,
да до конца столѣтій и написалъ 12 или 14 драмы, за-
служивающихъ вниманія во многихъ отношеніяхъ;
главнымъ образомъ по тому, что нѣкоторые изъ нихъ
принадлежатъ къ разряду историческихъ. Сюжеты нѣко-
торыхъ изъ ^{нихъ} заимствованы изъ національной исторіи, ка-
ковы: Семъ и Франциско Лара, Бернардо дель Карнио, Оса,
да Замора; еще сюжеты изъ древней исторіи, каковы: А,
яко, Виргинія, Муція Сцевола; дальше, еще сюжеты, прямо
придуманые, каковы напр.: Клеверникъ, Влюбленный
Фарикъ, Обезглавленный, — пѣса, основанная на одномъ
авриганскомъ преданіи.

Клеверникъ (el Infamador) передаетъ исторію мо-
лодой дѣвушки, отвергающей любовь одного развращеннаго,

каго юноши, который изъ неспри обвиняеу ея въ убійствѣ
и другихъ преступленіяхъ. Она уже осуждена на смерть,
но спасается при помощи сверхъестественныхъ силъ, а лон-
ной доносимъ неспри назначенную ей кару. Пьеса про-
изводитъ возмущительное впечатлѣніе, особенно въ гнѣхъ
мъсахъ, гдѣ родились герои и героини желаютъ смерти
собрывшимъ дядей; въ цѣломъ же она кажется еще не,
мъхъ, благодаря обилію жода съими Азгической мидоло,
гн съ правали и пондѣями новѣйшихъ времени. Здѣсь
даже мѣхъ и слѣда поэтической срърки, которая мѣхъ,
ли еще звучитъ. Въ другихъ драмахъ Кузвы; вообще пьеса
написана жакъ небрежно, что въ ней даже мѣхъ дилемія
акроби на сценѣ.

Наконецъ одна изъ комедій Кузвы *El Taso de Roma*
мѣхъ своимъ сюжетомъ событіе позднѣйшей эпохи, имен,
но взятіе и разграбленіе Рима коннеадлемъ Турбономъ.
Каждая изъ пьесъ Кузвы подраздѣляется на гезире Тогна.
даз или акфа; написаны отню сакими разнообразными
размѣрами; безрѣкаторѣ рудъ тегза тма, бѣльсе сѣрки,
сонерѣ, но главнымъ образомъ *redondillas* и осьмисѣрокъ,
ные сѣрки. Но все пьеса Кузвы озлижается неуклю-
жестю тлама и неровностю въ его исполненіи, напр.,
El Taso de Roma ничто иное, какъ рядъ нисколько не
связанныхъ другъ съ другомъ діалоговъ, описывающихъ
дѣйствія императорской арміи со времени римской осады

въ мартъ 1527 до коронаціи Карла V въ Болоньѣ, т.е. до февраля 1530 года. Описание разграбленія Рима не лише, но извѣстной доли неправдивости; но зато въ другихъ мѣстахъ правды очень мало, и испанцы всюду окружены ореоломъ славы. Комедіи эти были поставлены на сцену въ 1579 и слѣдующихъ годахъ, но напечатаны только въ 1588, г., и всего въ одномъ томѣ.

Впрочемъ драматическій репертуаръ въ Испаніи 1560-90 годовъ не ограничивался пьесами, сочиненными Лопе де Вьгудою, его друзьями — послѣдователями и завѣдучею мѣлоу группю сураслывующихъ актеровъ. И въ другихъ мѣстахъ были дѣлаемы попытки много рода, основанныя на другихъ началахъ, иногда сопровождавшіяся цѣпяхомъ, иногда совѣтъ не имѣвшимъ его. Особенно въ эту эпоху ознакомились Севилья и всема въпродѣльно, что комедіи Кюана Малагры или Мале-Лара, уроженца Севильи, разыгрывались тамъ въ эту эпоху.

Но въ началѣ блестящаго періода испанскаго театра и сцены дѣйствовали въ качествѣ драматурга и знаменитѣйшій изъ вѣдѣль поэтовъ Испаніи въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ до наивысшей высоты, какой только дано было испанскому гению доэризмуръ въ сферѣ духовнаго развѣія, — Мигель Сервантесъ де Сааведра. Хотя драма Сервантеса охотно не выражалась въ полной мѣрѣ его поэтическаго величія и значенія, но и шлѣ принадлежитъ

замысловое только въ общелье развитіи испанскаго языка.

Мигель Сервантесъ де Сааведра.

Miguel Cervantes de Saavedra (1547-1616).

Хотя съ указанного времени развитіе поэтаго духа и созварающейся ему литературы совершалось въ Испаніи съ извѣстной быстротой, подь вліяніемъ переворота, зовъ и великихъ событій XVI столѣтія, однако постоенно безрочно пренярувд, происекавшій изъ извѣстныхъ, повидимому, непреодолимыхъ предразсудковъ испанской націи. Своядвнъ взглядъ на міръ и людей открался въ Испаніи брагидебными вліяніемъ вѣковой борьбы за вѣру и выросшихъ на этой почвѣ общесуветныхъ отношеній; казалосъ даже, что великія зааулан, зилескія завоеванія, при своеобразныхъ наклонностяхъ испанцевъ, не принесуть пользы развитію страны и народа. Впродолженіе всего XVI в. все развитіе испанскаго государства и народа сопровождалось борьбой изъза вопроса, должна ли будеть эта богао одаренная нація свободно и равноправно везунуть въ селено цивилизованныхъ народовъ Европы или оеауется позади въ своей средневековой обособленности. Пребразности этой борьбы оуразились и въ испанской литературѣ, при чемъ уже съ половины XVI в. предвидѣлось полное поразненіе согуветвенныхъ реформъ Элемензовъ, что и оаилое подь конецъ столѣтія. При всемъ этомъ Испаніи

Испанская история литературы в XVI столетии.

Было судено доказать в лице своего величайшего поэта, кь какому развигию могла быть способна испанская нация, если бы она была свободна отъ формальных вліяній и проникнута гуманными образованіемъ, потому что зворачъ „Донъ-Кихота“, первый испанецъ въ лучшемъ смысле слова, озрадившій въ себя весь блестящій характеръ и особеннѣе своего народа, былъ совершенно чуждъ той закоротилой религиозной узкости, того ^{недоуверенія, вѣры} перуилемнаго фанатизма, той высокомерной національной исключительности и золь озраживающихъ чертъ, козорыя задержали великую литературу и историю Испаніи въ ихъ дальнѣйшемъ развигии. Периодъ испанской литературы, обнимающій конецъ XVI и все XVII столетіе, составленъ золотой вѣкъ ея, не смотря на возмущительное, деспотическое правленіе Филиппа II и слабостъ его преемниковъ. Въ началѣ этого періода явилъсь одинъ изъ гениальнѣйшихъ писателей не только Италіи, но и всего міра. Это:

Мигель Сервантесъ де-Сааведра (Miguel Cervantes de Saavedra). Онъ былъ родомъ изъ Галиціи; въ эпоху поавленія его на свѣтъ, фамилія Серванте, совъ не только считала за собою нѣзскозъ изъ рыцарства и служенія орегесрву, не только была широко распространена по всей Испаніи, но имѣла своихъ

представителей въ Мексикѣ и въ южныхъ Америкахъ.
 Касрильская вѣтвь этой фамилии въ XV столѣтїи
 соединилась посредствомъ брака съ Сааведрами и
 въ XVI ст. пришла, повидимому, въ сильнѣйшій упадокъ.
 Богдзели Мигеля, перемѣнившаго свою фамилию слабой
 и спасшаго ея старинное благородство отъ забвенїя,
 были бѣдные жители Алкала-де-Энареса, небольшаго,
 но уютнаго городка, въ двадцати милѣхъ
 отъ Мадрида. Здѣсь онъ родился въ первыхъ числахъ
 октября 1547 года, будучи младшимъ изъ четверыхъ дѣ-
 тей своихъ родителей. Первоначальное воспитанїе онъ
 получилъ въ своемъ родномъ городкѣ, находившемся то-
 да въ землѣ своего благосостоящаго вельможнаго слуги,
 кою онъ пользовался основаннымъ здѣсь нѣсколько лѣтъ
 тому назадъ кардиналомъ Хименесомъ университетомъ.
 Подобно многимъ великимъ людямъ, Сервантесъ въ
 удовольствїяхъ воспоминаеть въ различныхъ мѣстахъ
 своихъ сочиненїй о своемъ дѣтствѣ. Такъ напр. въ
 Донъ-Кихотѣ¹ онъ повздорилъ преданїе, по всей вѣро-
 ятности слуханное имъ въ дѣтствѣ, о чарѣхъ зна-
 менитаго мабра Музарака и о погребенїи его на вѣ-
 сохѣхъ холма Зулемскаго; такъ въ своемъ пасквиль-
 нскомъ романѣ Талафетъ онъ дѣлаетъ мѣсто дѣт-
 ства своимъ отарвазельскимъ эпизодамъ, берега сла-
 ваго Энареса.² Именномъ отъ его юности мы знаемъ

¹ Именномъ 9-20

² Чапъ I, глава 29.

³ Galatea, Madrid, 1784, томъ I, с. 66.

голландско го, о чемъ онъ самъ случайно вспоминаетъ:
 что онъ съ наслаждениемъ видѣлъ театральныя пред-
 ставленія Лопе де Вуды, что онъ весьма рано началъ
 писать стихи, и игралъ все, что ему попадалось въ
 руки, хоть-бы это были кусочки бумаги, подбитыя
 на улицу. Свое образование получилъ онъ сначала,
 да въ школѣ, а затѣмъ въ университетѣ своего родно-
 го города. Свое научное образование онъ продолжалъ
 въ Мадридѣ и позавѣ, несмотря на бѣдность своего се-
 лейца, провелъ года два въ Саламанкскомъ универ-
 ситетѣ.

Во время своего студенчества Сервантесъ познако-
 мился съ тогдашней модной испанской литературой,
 что отразилось впоследствии въ его „Донъ-Кихотъ“.
 Въ эту же періоду относился его первое поэтическое со-
 зрѣніе. Не будучи еще двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ
 удостоился публичнаго выраженія уваженія отъ одного
 изъ своихъ насравниковъ: въ 1569 г. профессоръ Лопе
 де Ойосъ издалъ по распоряженію правительсва сбор-
 никъ стихотвореній на смерть несчастной Изабеллы
 Валуа, Супруги Филиппа II, написанныя въ болшемъ
 числѣ его учениками. Здѣсь между прочимъ находится
 стихъ Элеія Сервантеса, котораго профессоръ называ-
 етъ своимъ „дорогимъ и возлюбленнымъ ученикомъ“.)
 Какъ сопроводилощее стихотворенія сердечное заявл.,

1) Ойосъ, бывший профессоръ издичной словесности въ Саламанкѣ,
 неоднократно называетъ Сервантеса „сего discipulo“ и „amado dis-
 cipulo“ и говоритъ, что его Элеія написана „en nombre de todo el
 estudio“.

ление учителя, какъ и го обероуцелсгерве, что въ одной изъ своихъ элегій Сервантесъ говоритъ отъ лица всего университета, доказывая, что Сервантесъ пользовался уваженіемъ наставника и любовью товарищей."

Въ 1570 г., вѣлѣдурвіе съспиземныхъ обероуцелсгерве, поэтъ оставилъ Менадо, чтобы попытаться сдѣлать въ Ураліи. Въ Римѣ онъ служилъ нѣсколько времени камердинеромъ (дворецкимъ, сатагехо) у кардинала Аквавивы, того самого, который былъ въ 1568 г. по слани папой съ спеціальнымъ порученіемъ къ фри, липпу II и на вознагражденіе поуди въ Уралію брать съ собой Сервантеса, имея содѣйствовать развизію его таланта, какъ какъ онъ любилъ покровительсгерве, вартъ ученіемъ и писательствомъ. Но молодой человекъ находился не долго въ этой службѣ. Онъ былъ слишкомъ испанецъ, дружилъ словами, слишкомъ гордъ въ думѣ, чтобы довольствоваться своимъ скромнымъ, нѣсколько двусмысленнымъ, положеніемъ, въ особенности въ ту эпоху, когда люди выше всего цѣнили приключенія и военную славу.

Сервантесъ въ скоромъ времени просился и съ Римомъ и папскимъ дворомъ. Въ 1571 г. папа, фри, липпу II и Венеція заключили тройственный союзъ, или какъ называютъ, "Священную лигу", прозвать эту пактъ и поручили командование союзнымъ флотомъ

и войскового подполковнику сыну Карла V, рыцарю св. римского
 Дома Хуану Австрийскому. Двадцатизрельный Сервантес не мог устоять от искушения участвовать
 в этой романтической и грандиозной экспедиции против
 древних царств и племен Испании и ее врагов
 всего христианства; увлекаемый пылкой
 жаждой славы и ордена, — он добровольно
 отпустился, именно, вольноверцем в состав ар-
 мии в качестве простого рядового. В отомыслии
 своих соображений, Сервантес высказывал свое набо-
 ление, что лучшие воины те, которые оставили науку
 ради войны и что хороший судья всегда будет
 храбрый солдатом (No hay mejores soldados, que
 los que se trasplantan de la tierra de los estudios en
 los campos de la guerra; ninguno salio de estudiante
 para soldado que no lo fuese por extremo).¹⁾ В день
 блестящей победы при Лепанто, какой давно уже не
 знала королевская морь,²⁾ Сервантес храбро дрался
 на корабле „Ла Маркеса“ (La Marquesa) — эта галера была в самом
 центре ожесточенной битвы, и Сервантес получил
 в это же время три раны, лишившие его, на весь остаток
 его жизни, употреблений правой руки. Вместе с
 другими ранеными, его перевезли в госпиталь в
 Мелите, где он оставался до апреля 1572 г. Благодаря
 добротам врачей от ран, он принял участие в

1) Persiles y Sigismunda, Lib. III, c. 10, Madrid, Tom. II, p. 128.

2) Октября 7-го 1571 г., не считая на голубиную Сервантеса, и кораблю, от
 принимал участие в бою с турецкими кораблями сражении при Лепанто, и

Экспедиции на восток под начальством Марка Антония Колонны, о которой онъ съ заключилъ губ. службу самоудовольствия вполнителемъ въ посвященіи къ Таларе и козору онъ какъ прекрасно описалъ въ исторіи миссиса въ Дюнь-Килоръ.

Далее ^{впоследствии} Сербанцесъ участвовалъ въ морскихъ сраженіи при Толезъ въ Мунисъ подъ командой Дюнь-Клана Австрийскаго и въ томъ же году возвратился со своими полками въ Сицилию и Угалию. Благодаря своимъ подвигамъ и экспедициямъ онъ успелъ побывать во многихъ мѣстахъ Угалии. Въ Меланъ онъ прожилъ около года и обзрѣлъ большую часть той и другой страны. Но его дальнейшее военное поприще ограничивается однообразной гарнизонною жизнью въ Сицилии, Тенуъ, Сардиніи, да нѣкозоровыми подвижками приключеніями, не доставивъ ему счаст. и славы иль оцѣнокъ. Не смотря на резервныя нѣя сраженія, Сербанцесъ никогда не соималъ отъ этого періода своей жизни; напротивъ того сорокъ лѣтъ спустя, съ гордостью вспоминаетъ все, что онъ пережилъ, онъ заявилъ, что если бы ему представились быль выборъ жизненнаго поприща, онъ снова избралъ бы свои ранги, козоровъ онъ оцѣнилъ легкими изкупленіемъ за славу быль участникомъ какого бы, ликаго предпріятія.

Въ 1575 г. Сербантеевъ вышель въ оуздавку и запас,
 шись рекомендацелскими писемлами оу герцога Сеса
 и Довъ-Хуана, которые въ лезныхъ выраженіяхъ ре-
 комендовали его королю, оу оуплы въ Испанію.
 На пути, однако, корабль, на которомъ оуъ плылъ, былъ
 захваченъ алжирскими корсарамъ и оуведенъ въ
 Алжиръ. Здѣсь оуъ провелъ нѣкъ мѣзь болыа пессаж-
 ный и исполненный приключеній, гдѣ нѣкъ кред,
 адмираль. Оуъ слышылъ неволнникомъ поогерѣно
 у зрѣль гостодь, изъ которыхъ каидый былъ къ нему
 оуеорого своего предшесрвенника. Оуимъ былъ грекъ,
 другой венеціанецъ, оба ретегача, а зрѣій — самъ ал-
 жирскій дей. Первые два мучили его съ зой урончен-
 ной злобой, которую обикновенно мучають ко вѣльмъ
 христіаналь люди, оуезупившіе во ильа неодоуой,
 ный мѣзубовъ оуъ вѣры оуцовъ своихъ, а зрѣій об-
 ходилъ съ нимъ суроо, вѣльдезвѣ цѣлала рѣда его
 понызокъ освободилъ изъ плѣна и освободилъ своихъ
 зоваричей по неволѣ. Сохраняя непреклонную эмер,
 что и гордоудъ даме въ зрѣиль положеніи, Сербантеевъ
 дѣлалъ неоднократно съильныя попыжки къ освободе-
 денію гасо съ опасностью жизни, такъ что самъ ал-
 жирскій дей Тассанъ-ага возненавидѣль однокрука,
 го испанца.

Но жескокая неволѣ вѣльшого зого, зтодъ сложилъ

Дуль Серванреса, еще боьше возвысила и укрепила его. Однажды онъ рѣшился уйти пѣшкомъ въ Ората — испанское поселеніе по африканскому берегу, но, остав-
 ливши свою проводниковъ, долженъ былъ возвра-
 зиться назадъ. Въ другой разъ онъ спрыгалъ зримадъ,
 шагъ своихъ зоварицей по плычу въ ущелье на мор-
 скомъ берегу и, рискуя своей жизнью, доставлялъ имъ
 въ дѣлѣ многихъ недѣль необходимыя зимныя
 припасы, въ ожиданіи спасительнаго судна съ моря,
 но въ то самое время, когда все разрушлось въ подѣлу,
 ему низко измѣнили, и онъ великодушно принялъ
 на себя всю озвѣдѣнную за неудавшіяся подѣлу.
 Разъ онъ покусился освободиться силою, но письмо его,
 котораго онъ просилъ подкрѣпленія изъ Ората, было
 перехвачено. Тогда онъ составилъ планъ освобожденія
 нѣдъ себя и шестидесяти зоварицей, но когда и эфортъ
 планъ былъ разрушенъ измѣною, онъ смѣло объявилъ
 себя единственнаго его виновникомъ. Наконецъ онъ
 предпринялъ собрать вѣнцѣ алжирскія христіанъ-
 невольниковъ, которыхъ было двадцать пять тысячъ, и
 напастъ на Алжиръ, что, повидимому, не было для
 него невозможнаго и испугало дѣдъ, который при
 этомъ случаѣ сказалъ своимъ приближеннымъ: „судъ,
 режизе покрывте этого калѣку испанца, тогда и мой
 столица, и мои невольники и мои галеры — все будетъ

цтво. После всякаго изъ зрѣль слугавъ, Сербанцесъ подвергался суровому, хоть и не унижительному, наказанію. Тезаре раза отъ осмидаль смерти на колу или на костре, а въ послѣдній разъ передъ уше была надежда ему на шю, чтобъ издорнузе у его великой души илмена его соодичниковъ подбга.

Наконецъ часъ его освобожденія насталь. Старшій братъ его, взрѣй въ платье въисверъ съ тилье, бѣль въ купленъ зри года назадъ, и маге позмерувовала зенеръ беть. въ илущесрво. въ, оставилсъ ей по смерти мужа, вилмога приданое дочерей, чтобъ спасзи изъ плъна младшаго сына. Но и зрго было недосудорого: оура, кое было его замудо у тѣсколскихъ друзей, а частно дополнено монашескимъ орденомъ Бразевъ-Мекунн. зелей или монаховъ-зриницариевъ (з.е. ордена св. Тро. ици). Особенно, благодаръ Жвану саратидаль Нзана Хи. ил (Fray Juan Fil), монаха ордена св. Троици, Сербан. зесъ бѣль въкупленъ изъ неволи 19 септѣбрѣ 1580 года, въ зозъ савѣй денъ, когда отъ въисверъ со своимъ гостю, дикомъ собиралель сѣверъ на кораблѣ плывъ въ Котѣ, францискополъ, озкуда^{оно} бѣ невозможно выррррр. Иракъ, тѣсколско времѣни сичезъ Сербанцесъ чѣхалъ изъ Алжира, въ которомъ отъ своимъ благородсрво. въ, безкорисррррель и мушесрво. въ воздѣмль къ себѣ воспор. меннуо преданкоуе и удивленіе въ массѣ хрисѣ,

анскихъ невольниковъ, наполнившихъ тогда эту го-
родь.

Такиимъ образомъ Сервантесъ, наконецъ, прибылъ
въ Испанію. Но хотя онъ былъ въ концѣ концовъ
возвращенъ своему семейству и отечеству, хотя душа его
была первое время охвачена свѣжимъ и наслаждавшимъ
чувствомъ свободы, которое онъ не разъ описывалъ съ
зажигъ красноречіемъ, зная не менѣе мы не должны,
мы забываемъ, что онъ возвратился на родину послѣ
десятилѣтняго изгнания, что въ юныя времена, въ
которомъ онъ тогда находился, зрѣло было началъ
жизнь слезнова или завоеванъ себя среди враждо-
ующихъ другъ съ другомъ интересовъ прочное социаль-
ное положеніе. Душа его уже не было въ шибель.
Семейство его, и безъ того небогатое, было доведено двумя
воинами до крайней бѣдности. Одинокій, безъ дру-
зей, безъ знакомыхъ, и такъ, погубивъ себя здѣсь
совершенно безпомощнымъ и покинутымъ, — онъ
принужденъ былъ снова вернуться въ военную служ-
бу, въ то время полкъ, въ которомъ служилъ братъ его. Полкъ
посланъ былъ генеръ поддерживать власть Испаніи
въ новопріобрѣтенномъ португальскомъ королевствѣ.
Такиимъ образомъ Сервантесъ былъ въ гарнизонѣ въ
Лиссабонѣ и участвовалъ подъ командой маркиза
Саура Крусъ въ экспедиціи 1581 г., и позже въ другой,

гораздо важнейшей, предпринимаемой въ слѣдующемъ году на Азорскіе острова съ цѣлью окончательнаго покоренія ихъ властью Филиппа II.

Находясь въ гарнизонѣ въ Лиссабонѣ, подвѣсивъ, между разнообразныхъ приключеній и любовныхъ интригъ, обратился Сервантесъ, какъ въ годы юности, къ поэзии и, въ концѣ концовъ, своими сонетами и букетами, лирическими романсами „Талазетъ“, приобрѣлъ полное расположеніе красавицы донны Кахилиты де Пала, сестры и Саласаръ, ¹⁾ двублики хорошей фамилии родомъ изъ мѣстечка Эскивиаса близъ Мадрида. Хотя Сервантесъ имѣлъ счастіе прозвѣстнаго въ лицѣ одного португальца, который въ одно время едва не оубилъ у него невѣсту, однако Сервантесъ въ концѣ концовъ женился на упомянутой благородной двублицѣ изъ Эскивиаса въ декабрь 1584 г. Такимъ какъ его молодая супруга, не смотря на свое аристократическое происхожденіе, имѣла очень незамысловатое состройство, то Сервантесъ рѣшился жить лирическими трагедіями. Для добыванія средствъ къ существованію и содержанію одной изъ своихъ сестеръ, онъ часто проживалъ въ Мадридѣ, гдѣ бывъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣсколькими изъ современниковъ поэтовъ, какъ Хуанъ Рудро, Педро де Мадилья и другими, которыхъ онъ съ свойственною ему доброзою и часто не по заслугамъ похвалялъ.

1) Donna Catalina de Palacios y Salazar

превозносила во послѣдствіи своихъ сочиненій. Для
 той же самой цѣли, и померъ бытъ, вѣлѣдствіе своихъ
 литературныхъ связей, онъ рѣшился увеличить свои
 доходы авторскими, отказавшись навсегда отъ военныхъ
 приключеній, которыя прежде увлекали его, несмотря
 на нѣвозможное положеніе его въ арміи.

Первые зрѣлища его генералъ были ^{осуществлены} предприняты для
 театра, который естественнѣе ^{долженъ} была привлечь
 къ себѣ человека, съ позволенія любиматаго драматическія
 представленія и въ наступающее время нудившагося
 въ нѣмеленномъ заработкѣ. Но несовершенное состоя-
 ніе современнаго театра помышало Сервантесу полу-
 чить достаточное вознагражденіе за его зрѣлища на драма-
 тическомъ поприщѣ, когдѣ они ^{стали} спускали всеобщее со-
 губствіе среди публики. Пробывшия кое-какъ зрѣ-
 лища въ Эскивиасъ и Мадридѣ, онъ убѣдился въ необо-
 димости искать средствъ къ существованію въ другомъ
 мѣстѣ. Поэтому въ 1582 г. онъ переселился въ Севилью,
 которая была тогда главнѣйшимъ рынкомъ для торговли
 съ Америкой. и, какъ онъ ~~выразился~~, ~~послѣднимъ при-~~
~~ходомъ~~ ~~всѣхъ горельникъ~~. Также какъ нашему поэту
 ставилось все зрѣлищныя и зрѣлищныя зрѣлища перовъ, то,
 въ 1590 г., срамъ онъ добивался какой нибудь должности,
 сзи въ испанской Америкѣ, „послѣднимъ приходомъ
 всѣхъ горельникъ“, и наконецъ получилъ въ Севилью

мъста агента у Антонио де Тебара, королевскаго кон-
 тиссара по дѣламъ американскаго флота, а затѣмъ
 сборщика недоимокъ правительству и долговъ частныхъ
 лицамъ; должность эта, хотя соединенная съ множествомъ
 вѣдомъ хлопотъ, все-же доставляла ему кусокъ хлѣба,
 котораго онъ физическо добывался на другихъ поприщахъ.

Въ его мопорозничью кинновингескую жизнь вноси-
 ли нѣкоторое разнообразіе путешествія, которыя въ
 продолженіе десяти лѣтъ онъ долженъ былъ совершать
 по различнымъ частямъ Андалузіи и Тракады и, при томъ
 много близко познакомился съ жизнью и правами этихъ
 живописныхъ областей его озерсства. Въ послѣдніе годы
 своей службы, отчасти владѣніе банкерсства лица, ко-
 рому онъ служилъ на храненіе части собраннаго имъ
 серебра, отчасти, померъ бѣдъ, благодаря собственнотъ не,
 браконьеры, онъ задолжалъ правительству и, обвинен-
 ный въ разбратѣ, былъ посаженъ въ Севилью въ тюрь-
 му за такую ничтожную сумму, которая обмаруши-
 ваетъ всю его бѣдность. Въ 1597 г., онъ однакоже былъ
 освобожденъ, по поручительству одного лица, послѣ
 трехмѣсячнаго заключенія. Дѣлаемые его счета
 съ правительствомъ продолжались до 1603 года, но послѣ
 того его болѣе не беспокоили по этому дѣлу. Серван-
 тесъ прожилъ въ Севильѣ отъ 1588 до 1598 года. Въ это
 время онъ подавалъ королю просьбу о предохраненіи

ему какойнибудь дальности в Америке, и описав, как в Эзон просить превращения своей судьбы, свои заслуги, сражений во время службы солдатами в Леванте и бедствия невольничьей жизни в Алжире. Это было в 1590 г. Просьба его показывается, в каком жалком положении находилась душа его, если отъ годов быль добровольно отряса сядя на ссылку в колонию, которая сама же называлась «колония негодяев»!

Предание в Севилье оставило мало следов, которые бы напоминали о нем, как о писателе. О следующем периоде его жизни, несмотря на то, что онъ очень важенъ, потому что предшествовало изданию первой части «Дон-Кихота», мы знаемъ еще меньше. Есть, однакоже, предание, что Сервантесъ служилъ сборщикомъ монастырскихъ доходовъ в городке Аргавасилья, в Ламанче, что хлопоты его по сбору доходовъ были безуспешны, потому что должники отказывались платить имъ, и что онъ кончилъ свое новое предприятие зоримымъ неудачемъ. Въ 1602 г. онъ переселился в Вальядолиду, вродитное, потому, что туда переехалъ дворъ Филиппа III: но здесь какъ же, какъ и вездѣ, на него не обращали вниманія и оставляли въ бедности. Писанный имъ содвервенпоручно слезъ за миромъ, которыми замѣ,

1) Интересно для насъ здесь еще то, что в 1595 г. Сервантесъ получилъ первый призывъ на поэтическую службу в Сарагосу. Начало этихъ зоримыхъ (justa poética) относится къ концу XV столетія.

малая по заказу жившая на его вдове покровительница
сестра, и показание его о совершенномъ близъ его квар,
зиря убійствъ, за которое, по одному подозрѣнію, онъ
содержался еще разъ въ зюрьмъ, — свидѣтельствованіа
объ его печальномъ положеніи. Среди бѣдности и без,
покойствъ, слуха гаснущихъ людяхъ агентовъ и сзрѣи,
гилье, Сервантесъ пригрозилъ къ пелазу первую галзе
своего, донъ-Кихота и Басуро образилъ на себя вни,
маніе. Это обескураживало, послѣ вѣхъ неудачъ въ добъ,
ваніи хлѣба дружкии средствами, естественна, должно
было образилъ мысли Сервантеса къ литературѣ, од,
нако это не измѣнило къ лучшему матеріалнаго
положенія поэта-писателя. Въ 1606 г. дворъ переехалъ
въ Мадридъ. Сервантесъ последовалъ за нимъ и про,
велъ въ столицѣ образокъ своей жизни. Но и здѣсь онъ
по крайней мѣрѣ семь разъ перемѣнялъ свое жителъ,
ство, благородно же перенося свое собственное поло,
женіе, нѣкоторымъ облегченіемъ котораго отъ одъ,
завъ былъ расположеніе графа Лемосскаго и архі,
епископа Сандовалъ Толедскаго, — какъ какъ получавъ,
шеся и тогда вознагражденіе за его литературныя зру,
да было крайне дѣшево.

Въ 1609 г. Сервантесъ возунилъ въ Брагусво Св. Пайнъ,
одно изъ помныхъ рода религиозныхъ обществъ, — го са,
мос, членами котораго были Кеbedo, Лопе де Вега и

У вѣхъ съ другими главными свидѣтелями до производъ,
ства надлежнщаго разслѣдованія,

другие выдающиеся современные писатели. Около этого
 времени онъ и познакомился съ ними, а также и съ
 другими любимыми при дворе писателями, къ числу
 которыхъ принадлежали Риннель и оба Аргенсола.
 Это касаясь до знакомства Сервантеса съ Лопе де Вегаю,
 то Сервантесъ часто превозносилъ мизантропическаго идола сво-
 его времени и, разя терере или пяде, Лопе де Вега так,
 же удословлялъ Сервантеса похваля, хотя эти похва-
 ли и нитья не были выше злыхъ, какими онъ дарилъ
 писателей, вовсе не положить на абзоре „Донъ-Кихото“.
 Вообще Лопе де Вега саражелсно уклонялся воздаче
 всю честь долгу необыкновенному гению. Во всякомъ
 случае очевидно, что въ своемъ величественномъ полете
 Лопе парилъ слишкомъ высоко надъ абзоромъ Донъ-
 Кихото. Нездь основанія предполагать, что ить взаим-
 ная отношенія были обратены зависясто или непри-
 знано, но нитья также доказательствъ, чтодъ они были
 секретны или дружесственны. Сервантесъ, по своему
 добродушию, восхвалялъ почти ветья своихъ мизера-
 турныхъ современниковъ, но въ похвалахъ, гдъ онъ
 говоритъ о Лопе де Вега, забываешь вообще колодный
 тонъ. Ясно, что, не отвергая заслугъ своего великаго
 соперника, онъ не былъ, однакожь, нечувствителен
 къ различію взаимнаго ить положенія въ свѣтѣ,
 ни къ несправедливости къ себѣ славилица. Вѣдкий
 уступался съ высоты своего величія и

разъ, какъ онъ говоритъ о Лопе де Веге, онъ дѣлаетъ это съ закънъ сознаниемъ собственнаго дощожинства, которое приносишь ему особенную честь. ✕

Подъ давленіемъ различныхъ и многихъ безпокойствъ и сраданій жизнь Сервантеса быстро приближалась къ концу. Въ октябрѣ 1615 года онъ издалъ вторую часть Донъ-Кихота, гдѣ въ посвященіи графу де Лемосу онъ говоритъ о своемъ разстроенномъ здоровьи, выразивъ она, сенте, что прошибежь не больше москольскихъ пьющевъ. Однако бодрое расположеніе духа, которое пережило сраданія въ Леванту, Алжирѣ и испанскихъ зоръ, махъ и было въ соединеніи, когда онъ приближался уже къ семидесятому году, произвело на свѣтъ такое произведеніе, какъ вторая часть Донъ-Кихота, — и теперь не покинуло его, когда силы его уже были разстроены болѣзью и старостью. Это произведеніе снова привело въ возгоръ весь литературный міръ Испаніи. Хотя король Филиппъ III и раздѣлялъ зоръ возгоръ, однако рширельно ничего не дѣлалъ для поэта, который, не смотря на предугебвіе уже приближавшейся смерти, съ неуменьшавшею энергіею началъ болѣшю романъ „Персилесъ и Сигизмунда“ и работалъ надъ нимъ, кружится зольско о золь, что у него не свазуъ жизни окончилъ его и поднеси своему великодушному покровителю, какъ послѣднее выраженіе своей благодарности.

Вестно оны отправился въ Эскивиекъ, гдѣ у него было небольшое имѣніе, полученное имъ за жито, и послѣ своего возвращенія написалъ предисловіе къ упомянутому роману, гдѣ, съ свойственными ему шуточными и юморными нотами, оны рассказываетъ веселую историю о жонкѣ, какъ на образномъ пути въ Мадридъ оны возлюбилъ студента-медика, котораго подавалъ ему много хорошихъ советовъ относительно водянкой, оны которой оны срадалъ, на что оны возразилъ, что судя по соседствію своего пупка, оны не проживетъ дальше ближайшаго воскресенія. Въ полномъ обла- даніи неизвестными способностями написалъ Сервантесъ за нѣсколько дней до своей смерти упомянутое ^{и заканчиваетъ} предисловіе, кончая его слѣдующими словами: „Прощайте турки, прощайте веселое настроеніе духа, прощайте друзья: я убежденъ, что умираю, и у меня остается только одно желаніе увидѣть васъ вскорѣ наслаивавши на жонку свою!“

Въ такомъ расположеніи духа оны сохлалъ весь тригожденіи въ смерти, какъ дѣлалъ тогда много добрые казники, котораго (какъ выражается историкъ), тогда одевались за собою рай, одевались въ рдецу до, миниканца или францисканца: 2 апрѣля 1616 года ^{Сервантесъ} оны вернулись въ орденъ францисканцевъ, рдецу ко, горничъ оны надолго зрѣвъ годами раньше въ Аскаль.

Но даже и теперь все еще не покидали его авторския
 звезда, шибоева чина и благодарное же благодарственье.
 18 апреля онъ получилъ окопательное помянутое,
 а на слѣдующій день написалъ посвященіе своего
 послѣдняго произведенія графу де Леноксу, оузнаю,
 шее въ одинаковой степени какъ его обичныя
 добродушныя топоромъ, замъ и зоржеветныя
 строемы мысли. Зоръ послѣдній изъсержный фактъ
 жизни Сервантеса показываеъ, что онъ до конца дней
 сохранилъ все свои способности и всю свою душевную
 чистоту. Онъ умеръ вѣрже дня епископа, 23 апреля 1616
 года, въ одинъ и зоръ же день со своимъ величайшимъ
 (и изумительнымъ превосходившимъ его) современни,
 комъ — Шекспиромъ, шездесяти восьми лѣтъ оу роду.
 Онъ былъ похороненъ, вѣроятно согласно то желанію,
 въ женское монастырь св. Троицы; хотя бурныя
 или ровныя порокомъ зекла его любви до женатбы,
 однако его зридцательная супружеская жизнь была,
 повидимому, счастлива, и вдова его изъъявила передъ
 смертию желаніе быть похороненной рядомъ съ мужемъ.
 Мадридско лѣтъ епископа монастырь былъ перенесенъ
 въ другое часть города. Это сдѣлалось поелъ этого съ
 пракомъ величайшаго генія Испаніи, оудалое не изъ,
 вострыя.

Умеревенную, з.е., литературную, поэтическую и др.

поэты Сервантеса можно подразделить на три периода, из которых первый обнимает время его поэтических наставлений, его раннего, юного порыва, его бурной, военной жизни (1569-1590); второй — время его гонимой, килеской жизни и издания первой части Донъ-Кихота ¹⁵⁹⁹ наконец, третий, по преимуществу старческий период, характеризуется, правда, не ослаблением укреплений сил, но все же заметного угрюмого пренебрежительного, сомнения в второй части Донъ-Кихота и других замечательных произведений (1605-1616).

Первый период

поэтической деятельности Сервантеса.

(1569-1590).

Къ этому периоду относятся его первые поэтические опыты. Уже въ молодом ^{судетическом} ~~году~~ ^{году} Сервантес начал писать стихи. Не будучи еще двадцати двух лет от роду, онъ дебютирует несколькими элегиями, между которыми одна на смерть Изабеллы Валуа. Именно въ 1569 году профессор Лопе де Ойоса издалъ сборникъ стихотворений на смерть несчастной Изабеллы Валуа, супруги Филиппа II. Здесь мы видим поэтическое творчество Сервантеса. Хотя ^{никакого} ~~содержания~~, это это только первый литературный дебют нашего поэта, и хотя упоминаемая стихотворения не говорят много въ пользу его поэтического таланта, однако сопровож-

дающее или сердечное заявление унизель, а равно и ро
обстоятельств, что во одной из своих статей отъ гово.
ришь отъ лица всего университета, доказываютъ, что
онъ пользовался уважением маэстранка-профессора
и любовью товарищей-студентовъ.

Около 1580 года, находясь въ гарнизонѣ въ Лисса,
бонь, подъ впечатленіемъ разнообразныхъ приключе-
ній и любовныхъ интригъ, образился онъ, какъ въ
годы юности, отъкъ къ поэзии. Въ этому времени нуж,
но отъ него начало по основательнаго знакомства
съ португальскою литературою, равно и начало его
симпатій къ Португаліи. Въ это время написалъ онъ
свои сонеты и началъ бужолигескій романъ Тала-
зедъ. Пребываніе въ Португаліи оказалось не безъ влі-
яній на направленіе первыхъ серьезныхъ литератур-
ныхъ трудовъ Сервантеса, именно на его пасторальскій
или бужолигескій романъ Талазедо, изданный вскоре
послѣ возвращенія его въ Испанію. Прозаическіе,
бужолигескіе романы были модной формой ро-
мануэскаго вымысла въ Португаліи, начиная съ
«Менины и Коса» и вплоть до нашихъ временъ и
уже были въ то время введены въ испанскую лите-
ратуру знаменитыми португальскими поэтами Коу-
тейро, майоромъ, гдѣ Влюбленная Диана (Diana enamorada)
и продолженіе ея, написанное Хуанъ Пело, были то.

у Менина e Коса — недолгой изящной озабоченъ прозаической
пасторали, написанной около 1500 Бернардино Рибейро и всегда вы-
зываетъ восхищеніе и удивленіе, котораго онъ и заслуживаетъ. Заглавіе его
произошло отъ первыхъ двухъ словъ, которыми онъ начинается.

Ближайшие к книгам Сервантеса.

Первыми, сербскими же литературными же зрудомь Сервантеса были пастушеский или пасторальный, буколический романъ „Талатей“, написанный въ 1584 г. Двѣсвучю, щия лица — какъ самъ авторъ въ предисловіи предупредилъ — пастухъ — пастуха и пастушки только по одежде (Muchos de los disfrazados pastores della lo eran solo en el hábito). Героиня эрой „Эклои“ — его возлюбленная, на которой онъ впоследствии женился; въ лицѣ герой романа Элисио Сервантесъ изобразилъ самого себя, а подъ именами прочихъ пастуховъ Луисо, Тирси, Да, Мона и др. — своихъ литературныхъ друзей Луиса Бартоломеа де Сохо, которого онъ высоко считалъ, какъ поэта, Франсиско де Фигероа, Педро Лаймеса и др. Двѣсвучю, щия лица говорятъ съ такою граціей и энергіей, что авторъ самъ спелъ изумительнѣе оправдывается въ томъ, что ихъ разговоры слишкомъ утонченны.

Подобно другимъ романамъ этого рода, Талатей основана на афрекции, которая не могла имѣть устья, а впадение въ заблужденіе множеству эпизодовъ, чужихъ исторій, присущее неумѣранныхъ метафизическихъ размышленій и наконецъ разстоянній во всемъ роману довольно толкая сфабрикованій дѣла, ютъ его особенно неудачными. Но во многихъ мѣстахъ Талатей видна слѣды швейской опьяненности и поэзии,

скаго Галафея автора. Некоторые изъ эпизодовъ, напр. исторія Силена, на первый взглядъ занимаютеленности, другіе, какъ напр. рассказъ о пребываніи Плиніо въ плыну у мавровъ, напоминаютъ намъ о событіяхъ при, клягенидѣ и испаданидѣ автора и, наконецъ, исторія Росавры и Трипалдо, въ третьей книгѣ, совершенно свободна отъ высокопарности и изысканности или игры словами, свойственной насущтескимъ сочиненіямъ. Самые крупныя недочеты Галафея заключаются въ неумѣлой постройкѣ фабулы и въ смѣшеніи христіанскихъ идей съ мифологическими предсавленіями древности; такое несообразно въ ней изобразеніе насущтаго воина и образцоваго государсвеннаго человека, Діого де Мендоса, въ лицѣ насущта? Но это сочиненіе не кончено, и мѣста земныя или нарушающія соразмѣрность частей, которые бытъ, оказались бы ничтожными, еслибъ взоромъ гасетъ, котораго Сервантесъ собирался издать до самой смерти, появились въ печати.

Во всякомъ случаѣ при оцѣнкѣ Галафея мы должны не имѣть въ виду зрѣлостнаго слова автора, когда онъ описываетъ, какъ священникъ и цирюльникъ нашли ее въ библіотекѣ Донъ-Кихота? „А какавъ языкъ слѣдующая книга?“ спросилъ священникъ. „Галафей

1) Въ третьей книгѣ главный действующій лица Галафея, руководимыя мѣломъ и крошками христіанскихъ священниковъ, посѣщаютъ могилу Мендоса. Тамъ имъ являеся зомъ классической музы Кампионы, произносящая сбитозворный памфлетъ современиныхъ испанскихъ поэтовъ....

2) Parte Primera, cap. 6.

Мигеля Сервантеса, объезжал цирюльничью. „Эго мой сца,
 римский другъ, сказалъ священникъ, и я хорошо знаю,
 что онъ богаче несласудяки, чымъ хорошиши сфинками.
 Грабула и тлавъ его книги не лишены доискоисеубъ;
 къ сома льнию, отъ много начинаесть и нигеро не кон-
 гаесть. Музино погодугаеъ обьщанной нмъ вродой гаери;
 можеть, бугъ послать окончателной обрабозки отна заслу-
 шихъ пощадц, въ козорой ей зеперь слѣдучеъ озказеъ, а
 пока эго сбудеъся, храниже ее, любезной кумъ, у себя.“

Такъ какъ Сервантесъ написалъ Таладего, тогда снис-
 каеъ благосклонносеъ дажи своего сердца, до честихаль его
 у ней обьяснедеъся, почему онъ мало забозилеъсь обь оконча-
 нии своего произведеній, нбо 12 декабръ 1584 г., почти
 непосредуеъвенно велѣдеъ за выходомъ въ свѣтъ первой
 гаери Таладеи, отъ, какъ уже знаемеъ, изменился. Серван-
 тесъ посвятилеъ „эгоъ первый плодеъ своего таланца“ (*estas
 primicias de mi corto ingenio*) „сану рога Колонна, подъ
 началсеубомъ козорого онъ двьмадцатеъ лѣтеъ рогу на,
 задъ дѣлалеъ эспедисито на водрукъ. Таладегъ есеъ, какъ
 уже сказано, прозаический пасторальский романъ въ
 духъ Килья Толо. Все произведеніе изобилуеътъ мьера-
 ми, написанными плавнѣеъсь и краснопорочивоъсь
 языкомъ, хотя въ нмъ еще мало зого, что сообразуеътъ
 особенносеъ срилъ Сервантеса. Въ конуеъ XVIII столѣ-
 тѣя Таладегъ была сокращена Флоріаномъ. Къ ней

Метод испанской литературы в XVI ст.

Было придумано придуманное заключение и в законы видна она не раз издавалась в эпоху, когда были законы популярны и цитировали Тестера. Во всяком случае попытка Флоридана была гораздо удачнее попытки Доминго Кандидо Марид де Тригуэроса, последовавшего его примеру в своем романе *Los Viajeros a Galatea, Madrid, 1798 г.*

Тогда первые опыты Сервантеса были посвящены театру, который естественно образом должен был прийти к себе человек, с детства любивший драмату, великий представления и в наступающее время мучившийся в немеленно зародиться. Но драма в то время находилась еще в грубом состоянии. Сервантес сообщал сам, что посетил представления телье Лопе де Рудеи и Махарро еще перед отъездом своим в Италию. Из его описаний костюмов и театральной обстановки видно, что театры в Испании были в то время хуже управляемы и обставлены, чем кукольные театры нашего времени. Несколько человек, в том числе Бермудес, Архенсола, Вирруез и Куэва, пытались ввести театр из его жалкого состояния. Подобной же целью занялся генерал и Сервантес — и труды его увенчались успехом.

Он уменьшил число актов с пяти до трех, но эта реформа не могла иметь важных последствий?

и, кроме того, она была введена задолго до него Авен-дансо. Сервантесъ законче президуетъ на введении въ драму французскихъ существъ или аллегорическихъ фигуръ — лицъ, какъ Война, Морь, Голодь, но помимо того, что это повествование было раньше его содѣлано Куэвой, въ сущности оно было возвращеніемъ къ песнямъ, которыя уже поизивали средневѣковой религиозной драмѣ. Наконецъ онъ выдался наполнить какъ свои драмы, такъ и другія произведенія воспоминаніями о своихъ сужанствованіяхъ и сужданіяхъ. Въ этомъ случаѣ Сервантесъ имѣлъ безсознательно по началу тѣхъ писателей, которые впервые изобрѣли подобныя представленія въ новой Европѣ. Но у такого гения, какъ Сервантесъ, даже подобныя попытки и преобразованія, при всей ихъ грубости и несовершенствѣ, не могли остаться безъ послѣдствій. Онъ написалъ, какъ говоритъ самъ, ~~около~~ двадцати до зрѣлѣннхъ, принятыхъ въ рукопеческанихъ — число, до котораго не доходили произведенія ни одного изъ предшествовавшихъ ему писателей. Но ни одна изъ этихъ книгъ не была издана при его жизни; однакоже онъ оставилъ намъ названія девяти, изъ которыхъ двѣ были изданы въ 1782 году."

Офральный едва ли не навсегда похранимы, и въ томъ числѣ La Confusa, о которой Сервантесъ, сущера

1) Эти изданія выхрѣ въ *Viaje de Tarnaso*. Madrid, 1784.

долго после того, как Лопе де Вега сообщили народ,
ной драма окончательную форму, говорилъ съ мною,
точно какъ обѣ одной изъ его лучшихъ пьесъ.

Первая изъ извѣстныхъ драма Сервантеса носитъ за-
главіе „Алгонирскіе кравы“ или „Жизнь въ Алгонирѣ“
(„Los Tratos de Argel“ или „el Trato de Argel“). Комедія
эта — чисто повѣствовательнаго характера. Герой ея, Ав-
релио, христіанинъ-плѣнникъ, обреченный съ христі-
анкой-плѣнницей Силвией, сурасно любимъ зна-
мой мабриганской дамой по имени Зарой. Владе-
ница послѣдней, Фрагима, прибѣгаетъ къ волшебству,
чтобы съ помощію его заславитъ плѣнника отъ чуж-
дой любви ея госпожи. Въ силу ея чаръ на сценѣ появ-
ляется Демонъ и предсказываетъ въ ея распоряженіе
необходимое и Слугай. Съ помощію этихъ духовныхъ
силъ, невидимыхъ для Аврелио, но видимыхъ для
зрителей, она изгадетъ, смущивъ воображеніе Авре-
лио сурасными мыслями, заславитъ его склониться
на желаніе прекрасной изыгнницы. По удаленіи
ихъ со сцены Аврелио въ молчаливѣ выразитъ смущ-
ное состояніе своихъ чувствъ, едва не доведшее его до
надеждъ:

„Аврелио, куда ты идешь? Куда направляеши ты
твои блуждающіе шаги? Кто руководитъ тобой?
Върождно, ты мало боишься Бога, если ты идешь, руко-

воодушевляющий прилохоту збочей безумной фантазии..

Aurelio, donde vas? para dó meives

El vagaroso paso? Quien te guia?

Con tan poco temor de Dios te atreves

A contentar tu loca fantasia? etc. (Formada V.)

Основной мотивъ этого монолога, равно какъ и предыдущей сцены, не имѣетъ въ себѣ ничего драматическаго, но звать не меньше Сервантесъ гордился введеніемъ аллегорическихъ фигуръ въ свои пьесы: нельзя впрочемъ отрицать, что какъ монологъ, такъ и сцена не лишены поэтической поэзии. Въ этой части пьесы, равно какъ и остальныхъ гасящихъ ея, видна упорная борьба губеца и фантазии автора съ его незнаніемъ поэтическихъ законовъ драмы и съ грубо, съю современнымъ ему драматическаго искусства.

Мотивъ этой пьесы слабъ, а діалогъ фактически не много выше старинныхъ эклоузъ-идиллій, пологившихъ основаніе испанскому театру. Целью автора, повидимому, было представить испанской публикѣ основанную на собственномъ опыте картину сраженій плетныхъ христіанъ въ Алжирѣ и пробы зритель въ соотечественникахъ сочувствіе къ несчастнымъ испанцамъ, зорящимся въ неволю. Поэтому отъ мало заботился о правильной постройкѣ пьесы. Въмѣсто послѣдовательнаго развитія дѣйствія

онъ выводитъ грубую и неестественную любовную историю (козорая, однакошь, казалась ему такою зати, мажельною, что онъ повзорилъ ее двасиды: въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ пьесъ и въ одной изъ своихъ повелль), а главной частью пьесы основывается на эпизодическихъ сценахъ. Нѣкоторые изъ этихъ эпизо- довъ двойственно поражаютъ, какъ напр. сцена между самимъ Сервантесомъ и двумя доварницами его плѣна, въ которой они осмѣиваются, какъ невольники и армяне, маврами, и рассказываетъ о мужнической смерти въ Альмирѣ одного не- манскаго свѣщенника.¹⁾ Хороша также домашняя правдой повесть Педро Алвареса убѣждать въ Орвилл, что, безъ сомнѣнйя, взды изъ подобнаго покушенйя самого Сервантеса, и носить въ призраки рисованья съ ~~(фривольн)~~ натуры. Далѣе, въ разныхъ мѣстахъ, пред- ставлены грустные сцены публичнаго зорга неволь- никами, между козорими особенно занимаетъ гира- зель одинъ мальчикъ, въродно, видѣнный Серванте- сомъ.²⁾ Пьеса раздѣлена на нѣзъ актовъ (jornadas) и написана октавами, redondillas, terza rima, болыми ерилами и почти всеми другими разнѣрами, упо- требляемыми въ испанской поэзи. Между ея дей- ствующими лицами играютъ важную роль: Левъ, Демонъ и аллегорическйя фигуры Необходимое и Сирый.

- 1) Впоследствии это лице въ „Baños de Argel“ и „Amante Liberal“.
 2) Впоследствии это лице было выведено на сцену Лопеде Вега, въ одной изъ его драмъ.
 3) Этого мальчика также вывелъ Лопеде Вега въ своей драмѣ „Esclavo en Argel“ (Альмирскйя невольники).

Сервантесъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ самъ очень доволенъ введеніемъ аллегорическихъ фигуръ въ дѣя. свѣе пьесы. После него обывай зрѣль сдѣлался господ. съвующимъ на испанскомъ театръ. Калдеронъ въ своей пьесѣ „Gran Principe de Fez“ даетъ такое объ. яшеніе двумъ аллегорическимъ фигурамъ: „Отъ изг. брамановъ вѣтхитимъ образы происходимаго въ души герои борбѣ между его добрымъ и злымъ ан. геломъ“ — объясненіе, которое въ полной мѣрѣ при. мѣняется и къ Сервантесу. Хотя онъ называетъ свою пьесу комедіей, но на самомъ дѣлѣ она не комедія и не трагедія. Подобно стариннымъ либреттамъ, она предвѣщаетъ собою попытку изобразить въ живыхъ образахъ рядъ несвязанныхъ между собою собы. тій; завязка ея задумана неудачно и самъ авторъ охровенно сознается, что пьеса не имѣетъ и на, сродней развязки. Но несмотря на небрежность постройки и досадное стѣсненіе сценъ въ этой пьесѣ, есть въ ней все же много, исполненное высокой поэзіи.

Сюжетъ второй пьесы Сервантеса, трагедіи „Numancia“ (Хумантіа), основанъ на томъ же періоду его жизни, основанъ на трагической судьбѣ Хумантіи, которая, послѣ четырнадцати лѣтъ героическаго сопротивленія римлянамъ, была наконецъ принуждена къ сдачи голо.

У Сципиона у Сервантеса говорить: „Прошло четырнадцать и долгие лѣтъ“ (Diez y seis años son y mas padados). На самомъ дѣлѣ въ войнѣ съ Хумантіей дѣлался четырнадцать мѣсяцъ, а по. слѣдняя осада всего 14 лѣтъ.

Домъ. Римскія силы сохранили изъ пядидесяти или вое,
 индейскіи засады гелотыкъ, а заширниковъ Нуманции
 было всего геруре засады, изъ козорохъ ни одиныхъ не было
 найдено въ живыхъ, когда римляне безумили въ
 городъ. Дѣйствіе начинаея приближеніемъ Сципиона.
 Онъ осажаетъ упрямки римское войско, что оно въ
 такое долгое время не въ силахъ было покорить горевъ
 испанцевъ и обдѣвляея, что ихъ должно подбоудитъ
 голодомъ. Застѣвъ подвладеея на сцену Испанія въ видѣ
 прелестной маэроны, и узнаея, какая участь осаждаея
 ея любимай городъ, взываея къ рыцарю Дуэро двудва
 поздравскии окривамъ.

405 л.р.

Duero gentil, que con torcidas vueltas, Прекрасная Дуэро, обитавшая збоуди изъ
 Humedecees gran parte de mi seno, лупинами болсшую часть моей груди!
 Así en tus aguas siempre veas envueltas да хранишь зы посполмно въ своихъ нн
 Arenas de oro dual el Tajo ameno, Золотые пески, подобно спокойнойу Шаю!
 Y así las ninfas fugitivas sueltas, Пугеы дѣвчаники нимфрей, когда луга зы,
De que esté el verde prado y bosque lleno, лопкюзы и деревья одымузекъ мисрвои,
 Vengan humildes á tus aguas claras приближуея къ збоудимъ свѣзлымъ водамъ
 Y en prestante favor no sean avaras. и не поскучаея на свои ласки зедѣ!
 Que prestes á mis ásperos lamentos Склони свой слухъ къ моимъ горькимъ зрета
 Atendo oído ó que á escucharlos vengas, попому збоудимъ народу ^{жаникъ,}
 Y aunque dexes un rato tus contentos,
 Suplicote que en nada te detengas: Умолю зедѣ, не медли!
 Si tú con tus continuos crecimientos Вели зы не озоуешишъ онезокии
 Destos fieros Romanos no te vengas, римлянамъ,

Centado veo ya qualquier camino que se abra de aqui a la ciudad de Mexico para la salud del pueblo Numinantino. къ спасенію Нуманціи.

На зрѣзъ зовъ выходитъ рѣка въ сопровожденіи своихъ зрѣлъ впадающихъ въ нее (или подобныхъ) рѣкъ, но не даетъ никакой надежды Нуманціи на спасеніе. Она предсказываетъ только, что придетъ время, когда гонимыя коннезады Бурботъ и герцога Альба оумедятъ некогда за нихъ судьбу римлянамъ. Зрѣлье оканчивается первымъ актомъ.

Остальные зрѣя акта наполнены ужасами осады, много положеній, видершимыхъ несчастными гражданами Нуманціи; предвѣсѣдими ихъ гдѣли, ихъ жертвами и мучителями одѣ избавленіи оубъ нед; кон. дозволѣ, съ помощію котораго мерзвое злое ошв. и дѣлѣя и предсказываетъ будущее и ужасными оубра. Данилами коношей и саргевъ, любящихъ и любивыхъ, вполѣ до невинныхъ дѣтей, которае раздѣляютъ смешокую часть города. Въ одной сценѣ второго акта гародѣи (волхвъ) Маркино, после напрасныхъ обращеній къ душѣ, гдѣ она ~~возвращается~~ въ злое воина, навсего въ бѣзѣ, и объявила ему, гдѣ будетъ съ осадителными городомъ, приходитъ въ искушеніе и говоритъ: „Ахъ, какъ душа, возвратисъ въ миллице, которое зѣ покинула тѣсколко часѣв зѣмѣ назадъ!“¹⁾ На что ошвѣишій воинъ оубвѣаетъ:

1) Маркино.

Alma rebelde, vuelvo al aposento
Que pocas horas ha desocupaste!

„Удерживай в росте злого жестокого похотливого, Маркино; довольно, слишком довольно сурадинъ“, которая испускала я въ сурадинъ мрака — не увеличивай моего бѣдствія. Ты ошибаешься, если думаешь, что я съ удо-вольствиемъ возвращаюсь въ эту рясницу, бѣдную, крадущую жизнь, которую я теперь вижу и которую уже стоишь меня оставить. Внезапно, же возбужда-ешь во мнѣ болѣзненное недовольство, поэтому что воз-решно подвергаешь меня ужасамъ смерти, которая снова возгорается надо мною и моею жизнью. Мой братъ двасиды подвинулъ меня, хотя теперь съ мра-чного золотого трюмпа подвластными зѣбѣ земныхъ силъ онъ сидитъ, малая яросство, пока я изъвищу зѣба, Мар-кино, о плачевномъ концѣ, о безславномъ концѣ Ну-манцинъ.“

Нѣкоторая изъ сценъ домашняго горя, происходя, щая отъ голода, исполнены съ неожиданными эффек-тами, особенно одна — между матерью и ребенкомъ и следующая за нею — между двумя любовниками. Морандо видитъ своего лиру, изощренную голодомъ и горюющую среди обшлаго бѣдствія. Она озворажива-ется отъ него, тогда скрываетъ свои муки, и онъ говоритъ ей съ нежностью:

„Не уходи отъ меня, лира, съ закою постоимостью. Дай мнѣ насладиться радостью, которую даруешь мнѣ

1)

El Smetto.

Cesse la furia del rigor violento

Тучо, Маркино, basta, triste basta etc. (Торн. II, 5 с. 2).

сладостная жизнь и посреди смерти. Позвольте мне
глаза еще раз взглянуть на красоту этого, я слыш,
как много испытал горестей в своем несчастье.
О милая Лира, твой голос раздаётся в моей душе
как звуки сладкой гармонии, способной превратить
в горестное всё мои страдания. Это всё зобого? О
господи, где думаешь, слава и сокровище моей мечты?

Лира. Я думаю о том, что нашему счастью скоро
наступит конец и что я умру раньше, чем вы окон-
чите осаду нашего города.

Морандро. Что говорите вы, счастье души моей?

Лира. Я изнемогаю от голода, я уверяю, что скоро
отверну голову над моим существом. Как можете
мечтать вы о счастье с той, которая до того истощена
голодом, что боится не прожить и одного часа. Все,
ра умерь мой брат, истощенный голодом; от во-
лной смерти погибла и моя мадушка, а если муки
голода еще не свалили меня, то только благодаря
моей молодости. Но сколько дней уже никто меня
от него не защищает; не удается прожить его мои
слабые силы.

Морандро. Угри, Лира, слезы; пусть свое горе понесет,
я двинув руками пусть мои печальные глаза, и
хоть мучительный голод жерзаеть здесь немилосерд,
но, но, пока я жив, — не даю здесь умереть от него.

Я прагну въ ровъ съ кровоеднѣй сущности, я кинусь въ объездъ самой смерти, чтобы спасти оу нея зѣва.

Я безсрашно вырву кусокъ злѣба у римлянина и поднесу его къ звоему рту. Рука моя проложитъ ^{пути} путь къ звоей жизни, или къ моей смерти, ибо видѣть зѣва въ зломъ положеніи выше мысли. Я добуду зѣва ницѣ наперекоръ римлянамъ, если хоть ко руки мои осядутъ злыми, какими они были прежде.

Лира. Ты говоришь, Морандро, какъ влюбленный. Но пища, купленная злого звоей опасости, не будетъ вкуса для меня. Не поддержишь меня никакая звои добыча, а между злымъ идею зводи вырвать, злымъ мое спасеніе. Вѣдь, лучше наслаждайся своимъ стѣ, шено и сильнымъ юноею; звои зире важнее для города, злымъ мой. Ты лучше помнишь защитишь городъ оу бражескихъ прислужновъ, злымъ я, слабая, удручен. над горель, добушка. Мракъ, мой милый другъ, оставь эту мысль; повзорово, я не хочу ницѣ, купленной злого звоей опасости. Если бы и охотились на итальянско днѣ моего смерти, все-таки упорный го, лодъ насъ одолѣеть.

Морандро. Напрасно, Лира, стараешься ты оубра, зире меня оу ницѣ, на козорый увлекать меня мое шеланіе и судьба. Моли въ это время боговъ, чтобъ они борожили меня съ добичено, козорая превра.

жизнь зное срадание и мое безпокойство.

Лири. Морандро, мой милый другъ, осянся: я уже вижу неприятеликъ мевъ, обдаренный твоего кро-
вю. Морандро, сокровище моеи жизни, не пускай,
ся на зрозъ подвижь; опасна выласка и еще опаснее
образный пухъ (Тотнада III. С. I).

Но Морандро уморсзвучезъ, проникаезъ, въ сонро,
возидении вторганаго друга, въ римский лагерь и добы,
ваезъ хлѣба; на возбразномъ пухи его преслѣдуюзъ,
отъ раневъ, но одушевляемый, энергеей отгаднйъ,
отъ мечель прокладиваетъ себѣ пухъ въ городъ, вру,
гаезъ Лири хлѣбъ, обдаренной своей кровью и чуми,
раезъ у ея новъ.

Песа оканчиваетъ добровольнымъ самоубийствомъ
всѣхъ цзъльтовшихъ отъ голодной смерти жидельи
и смертию юности, козорай, передавъ ключи отъ горо,
да римскому полководцу, бросаетъ голову внизъ
съ башни и гибнетъ послѣдней смерзвого пазриози-
тескаго самоозвершенія.

Сербантесъ избралъ зрозъ стомеръ, руководимый
пазриозитескими гувезвами, козория продуидала и
до сихъ поръ продолжаетъ продуидать въ сердцахъ
его союзечезвенниковъ героическая защита Куман-
цин; белтъдсрвие зрозъ отъ и наполнилъ свою драму
рядомъ чюпасныхъ сценовъ, бывшихъ слѣдсзвиемъ само.

озвращенія жиделей Нуманции. Пьеса эта раздана,
 на на чезаре акца (jогпадас) и подобно предвидицей
 драма писана различными раздѣлами; впрочемъ
 въ мѣстахъ, гдѣ двойствіе идеѣ ускоренныхъ ходомъ,
 авторы предпочитаютъ старитные седондильас. Двойству
 лицъ въ ней не мѣтве сорока, и въ числѣ ихъ
 безрочногояся слѣдующія аллегорическія фигуры: Мена,
 ній, рыка Дуэро, Пыло удиваго боина, Война, Болызнѣ,
 Толодъ и Слава; послѣдній играеть роль пролога. Въ
 ней нѣтъ ни завязки, ни правитселаго развитія дра,
 матическаго двойствія. Но зрагедія двойствивецкой
 жизни рѣдко была выводима на сцену въ такихъ
 кровавыхъ подробностяхъ и еще рѣже подобное изо,
 бразженіе доузмало какой позитивеской силы, какъ въ
 пьесѣ Сервантеса. Възъ уже много приведенная сцена,
 гдѣ болхвъ Маркино разговариваеть съ душомъ навшаго
 боина! По силѣ и доузонисхву рѣчи діалогъ зреть го,
 раздо выше заклинатій Трагедя въ современной Ну,
 манции пьесѣ англійскаго драматурга Марло. Даше
 вызванная вѣдѣнами мерзвая голова въ шлентѣ, въ
 козороѣ обращаезд со своими преступными вопро,
 сами Макберъ въ пьесѣ Шекспира подѣ зѣльмѣе за,
 главіель (Актъ V, Сц. I) не возбуждаезд въ насъ такого
 соудраданія, какъ эта бѣдная душа, призванная въ
 жизни зомско для того, чтобы еще разъ испуезд муки

смерди. Поразили нас также пьезозоры сцены, изображающей страдания, порозиденный голодом. Въ особен, поеди хороша сцена между магерто и ребенкомъ и слѣдующая за ней между Морандо и его возлюблен, мой, когда отъ ее видить изнемогающую отъ голода и подавленную всеобщимъ бѣдствіемъ. Весь тонъ этой сцены, самоозверженіе Мирры, еще болѣе чуждымъ, являющееся отглавное рѣшеніе ея возлюбленнаго, ка, теся мнѣ очень върнѣмъ природѣ. Чтобы понять прелесть послѣднихъ словъ Мирры (^{ихъ} нужно внезапно въ сердце или (какъ Штикоръ рекомендуетъ) прочесть въ подлинникъ).

„Куманцідъ“ сильно отличается эпическимъ тономъ: она замѣчательна болѣе по цѣлому ряду пасторальныхъ положеній и образовъ, чѣмъ по драматическому развѣ, что и обрисовкѣ характеровъ. Такъ какъ эпическій элементъ еще не изгнанъ болѣе тогда съ испанской сцены, то „Куманцідъ“ возбуждала всеобщій восторгъ, съ козоромъ восторгал и другія, чужденная пьеса Сер, вантеса. Авгуръ Вилгельмъ Шлегель, пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ области драматической критики, считалъ „Куманцідю“ не только однимъ изъ лучшихъ образцовъ стариннаго испанскаго театра, но и, какъ замѣчательнейшимъ памятникомъ новѣй, шей поэзіи. Такъ или иначе, нужно сознаться, что

песа Сервантеса вообще озлилась оригинальностью, что некоторыми своими эпизодами она способна быть, но зрится наше сердце, такъ это, не смотря на слабость драматической композиции и сценической техники, она служитъ доказательствомъ высокихъ поэтическихъ дарований ея автора и его смелыхъ и благородныхъ усилийъ поднимать современное ему драматическое искусство. Сервантесъ самъ говоритъ о своей драмѣ болѣе скромно, чѣмъ А. В. Шлегель, однакожь, это не мешаетъ ему сопоставлять ее съ пьесами Лопе-де-Веги, Авиллы и Таррери.¹⁾ Пьесы не менѣе произведенія его, какъ и другія драматическія писателей, были отодвинуты на задній планъ все болѣе и болѣе возрастающимъ центъхаломъ Лопе-де-Веги. Сервантесу отпало все зрѣющее и зрѣющее зрѣло перомъ.

Второй періодъ

его поэтической дѣятельности.

(1590 — 1605).²⁾

Сохранился курьезный договоръ, заключенный Сервантесомъ съ какимъ то Родриго де Осоріо въ Севильѣ 5 сентября 1592 г. Въ силу этого договора Сервантесъ обязался написать шесть пьесъ по 50 дукатовъ за каждую, съ обязательствомъ, что написанныя имъ пьесы будутъ одны изъ лучшихъ въ Испаніи; въ противномъ случаѣ онъ не получитъ ничего. Были ли написаны

1) См. Don Quixote, Parte I. C. 48.

2) Изданіе первой части Donъ-Кихота.

Эти письма, где мы отнюдь самая первая часть, о которых мы отнюдь упоминаем в 1614 г. в „*Adjunta al Tratado*“ — вопрос здесь едва ли когда-нибудь будет решен. Договор здесь относится к 1592 году, году перемены в жизни Сервантеса, когда он занимался заготовкой запасов для правительственных учреждений в Андалузии и году подобными не особенно предприимчивыми и выгодными занятиями.

В 1595 г. Сервантес послал в Сарагосу письмо, ко неудачным суждениям, которые доставили ему одну из прений, объявленных при канонизации св. Тиаго Инка,³⁾ в 1596 г. он написал сонет, в котором описывает внезапный прилив (показной) храбрости в Андалузии, уже после того, как линовала всякая опасность и англичане осмелились на Кадиксе, который занимали короткое время под начальством Эскеса, маркиза Влизавета; в 1598 г. Сервантес написал еще сонет в насмешку над скандалом, разбитым в Севильском соборе при религиозных церемониях после смерти Филиппа II, вследствие мелочного соперничества муниципалитета с инквизицией. Кроме этих мелочей можно отнести к этому году дальнейшему периоду жизни Сервантеса только одну из его повестей, которую, как „*El rayo de Francia*“,³⁾ связывает с известными современными событиями, или,

1) Сл. *Nuevos documentos*, Sevilla, 1864, pp. 26-29.

2) Эти стихи напечатаны у Navarrette, Vida, pp. 444, 445.

3) Испанка-Англиканка.

какъ „Rinconete y Cortadillo“, закъ сильно оуздывается
правами Севильи.

Проводя жизнь въ бедности — даже въ зорьмъ — и зрѣ,
богачь и занимая болѣе чѣмъ скромное положеніе мен,
за и исполнителя порученій для вѣсьмъ, кто нудался
въ его услужать, Сервантесъ зѣмъ не менѣе приговорилъ (съ 1603 года)
къ пелазу первую часть Дочь-Никола, котораѣ была
дозволена къ пелазанію въ 1604 г. въ Вальядолидѣ
и издана въ 1605 г. въ Мадридѣ. Полное заглавіе эѣ,
го давно пелазано иль романа — „El ingenioso Hidalgo
Don Quixote de la Mancha“ („Велемудрый дворянинъ
Дочь-Никола ла Манчскій“), которилъ Сервантесъ съ
разу убилъ рыцарскіе романы. Задумавъ борбу съ нелъ,
пани вымыслами рыцарскилъ романовъ отъ нашелъ
себѣ неожиданныю союзницу въ плутовскій повелль.
Поэтому нѣмъ кажетъ сомнительнымъ увереніе нѣко,
форилъ комментаторовъ „Дочь-Никола“, что Сервантесъ
первоначално оуносилъ оурицательско къ плутовскій
повелль. Нѣмъ нѣкого невѣроятнаго въ зѣмъ, что онъ
мощь подслѣдуетъ надъ нѣкозоровыми плохими про,
изведеніями эѣй школы, но отъ едва ли мощь оуносилъ,
ѣ оурицательско къ будущаѣмъ эѣ произведенію
реально-саририческѣй тенденциі. Въ своелъ „Дочь-Ки,
Лочь“ Сервантесъ высунилъ съ зредованіемъ оу романа
права и ересубенности, и съ эѣй зѣмъ зрѣмилъ подверкъ

уничтожающей кризисъ всю повествовательную и
 фигуру своего времени. Но этого мало: по примеру
 Диего Урзадо Мендоса¹⁾, автора Лазаряго, описавшимъ
 въ свой романъ Бюзове эпизоды, напр., возмущеніе Дотов-Ли-
 хога съ сражающимися акзерами и т.п.

Общій планъ, наперзанный Сербанжесомъ для приве-
 денія въ исполненіе своего желанія, т.е., уничтоже-
 нія роцарскихъ романовъ, еще не предвидя всего
 его развитія, а еще меньше вѣдалъ его результатовъ, от-
 щій планъ описателя сполна же просозрѣо, какъ и
 оригинальность. Деревенскій дворянинъ въ Ламан-
 тѣ, полный насрожденъ касимтской гордоести, гермоести
 и энтузіазма, геловѣкъ мягкаго и доероимсваго харак-
 тера, благородный и губервующій свое доероимсво во
 вѣдѣхъ поспункаль, уважаемый друзьями и любимый
 подчиненными, до законой еженети сведенный съ ума
 продолженецкиель чтеніемъ знаменитѣйшихъ ром-
 царскихъ романовъ, которые они принимаютъ за истин-
 ный исторіи, и губервуетъ въ себѣ призваніе стьларѣ,
 съ однимъ изъ этихъ невозможныхъ сражающихся
 роцарей, которыхъ они описываютъ, мало того, отъ днѣ,
 свѣдѣнно пускается въ сражаבותанія для защиты
 чужеземныхъ и лиценія за оскорбленныхъ, какъ
 изображенныя въ этихъ романахъ герои. Отъ насре,
 ривъ себѣ сражаное въ его время вооруженіе и, тогда

1) Умершаго въ 15752.

Божь рыцарель вполне, береть себя изъ состоянства ору,
 женоща, — кресуянина сродныхъ мотъ, невъзмезвен,
 наго и суетьрнаго въ высшей сренети, но огенъ добро,
 душнаго, обшору и муча, седьмодиваго и неуклюжаго,
 но преданнаго своему господину, иногда дозарочно слыши,
 летнаго, гтоди пондъзъ кельтосеъ иль молосетия, и
 всегда забавнаго, а перьдко и гьдкаго въ изолковани
 рыцереъва. Оба они вытужнаторъ изъ родной деревни
 на поиски за приключеніями, козорья повсюду
 въ изобиліи находятъ разгоряченное романамъ вообра.
 жение рыцаря, превращающее възражая мейсницъ
 въ великановъ, удивительные посядлые дворы въ замки,
 а галерныхъ колодниковъ въ несправедливо чужьствен,
 ныхъ дворянъ. Оруженосецъ, между гьмъ, переводитъ
 всеэ зрозъ поэтическій бредъ на обыкновенную прозу
 двойственности, гьлая эго съ удивительностью просо,
 душнелъ, повидимому, совершенно не сознавая своего
 гомора, представляющаго полнотіймъ контрастъ съ
 возвышеннаго и утонченнаго вазиносеъго и блестящи,
 ми иллюзіями его господина. Такого рода приложе,
 ния естественны должны были и мотъ одинъ только
 исходъ: рыцарь и оруженосецъ зерадъ радъ слышнелъ
 нецдачъ и, наконецъ, дозавляюща, какъ сумашедшіе,
 доной въ родную деревню. Здѣсь Сервантесъ осрабляеъ
 иль, въ концъ первой главы, сказавъ, однакомъ, гто

история или сравнительно далеко еще не кончилась.

Основная задача главного произведения Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ вполне объедается изъ соединенія со, временной ему повествовательной литературы. Вспомогательные особенности историческихъ условий, именно много, въковой борьбы съ маврами, превратившей страну на цѣлые вѣка въ военный лагерь, и нашествія провансальскихъ зрубадуровъ, болшинство которыхъ послѣ албигонскаго погрома бѣжало въ Испанію и тамъ, много замѣ възорое озерство, нигдѣ рыцарскіе нравы и традиціи не пережили такихъ глубокихъ корней, какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Рыцарская идея служенія дамамъ не только наполняется собою эпитетными романами и хрониками, но проникаетъ и въ законодательныя памятники. Такъ въ знаменитомъ Законникѣ короля Альфонса Мудраго (Las Siete Partidas), относящемся къ концѣ половинѣ XIII столѣтія, въ главѣ, посвященной переписанію рыцарскихъ обязанностей, рыцарю, между прочимъ, предписывается христовать передъ Божьей мѣдой своей дамы, съ цѣлью ввести въ его душу новое мышленіе и предохранить оръ совершенія не сообразующимъ его высокому званію пошлостей. Въ примѣръ безразсуднаго увлеченія идеей служенія дамамъ обыкновенно приводить итальянскаго мимнедизтера Фрескиа фронъ Мухенингейна и зрубадура

Пейра Видала, изъ козоровъ первый, нарядившись въ
 французскій козюль богини любви, протопалъ отъ
 Богемии до Венеции, вызывая на бой всякаго, кто не
 соглашался признать его даму первой красавицей въ
 міръ, а послѣдній, влюбленный въ Лоду де Теморсе,
 желая сдѣлать сторицу дамы своего сердца, самъ пре-
 вратился въ ея девицу, одѣлся въ волюго шкуру и въ
 законѣ видѣ едва не былъ расцезанъ не посвященни-
 ми въ тайны рыцарскихъ девицъ собаками графини.
 Но подобныя сумасброды въ другихъ странахъ сгизаю-
 тся единицами; въ Испаніи же иль нушко сгизаю-
 тся десятками. Въ одной испанской хроникѣ XV столѣтія
 разсказываеся о пькозоровъ рыцарѣ Суэро де Кинсо,
 песь, козорый придумалъ довольно курьезный способъ
 выраженія своей любви къ влюбившей его дамѣ; онъ
 носился разъ въ недѣлю на половину въ чезре ея, на
 половину въ чезре Пресвѣзой Дювы, а по чезвергамъ,
 кромѣ того, носилъ на своей шее, какъ символъ
 радурва, удивелую желѣзную цѣпь. Тогда освѣщався
 отъ этого мнимого радурва, козорое не на шурку срамо
 надотѣдаеъ ему, онъ, въ сопровожденіи девяти подод-
 нальше сумасбродовъ, занялъ мосье на Орвиго по до-
 рогу въ С. Яго-де-Компоедела и въ продолженіе ррид-
 цати дней вызывалъ на бой всякаго, оуправлявшагося
 на поклоненіе гробу св. Якова, рыцаря. Замѣчательна,

1) мидъ Лова зинигуръ волгица.

что на зтомъ удобнѣе, но своей продолжительности и нелѣпости мѣша, зурниръ присужденовалъ король Хуанъ II со своей связой, которъи не зомско не едилалъ попарки вразумишь безумцевъ, но своимъ присужденіемъ водумавлялъ ихъ.

Къ концу зого же столетія относился разсказъ о бѣднѣ кастильскомъ рыцарѣ, которъи парочно приѣзжалъ въ Англію ко двору Генриха VI, съ цѣлью предложить англійскимъ рыцарямъ сразиться съ нимъ въ честь его дамы.

Подобная сумасбродства поддерживались въ Испаніи обширною литературною рыцарскими романомъ, во главѣ которъихъ стоялъ португалскій романъ оъ Антадисте Талльскомъ, написанный въ духѣ романомъ, Круглаго Стола и впервые появившійся въ испанской одрадожкѣ въ концѣ XV столетія. Романъ зрѣлъ и много громаднѣе цѣпиль; онъ едилался наслономъ книгой каждаго грамотнаго человека въ Испаніи и вызывалъ массу подражаній и продолженій. Въ эпоху Сервантеса романы зажѣ называемого Антадистова цикла, какъ полнѣнныя самъими невѣроятными происшествіями, совершенно заурядили собою современную литературу и сильно крушили голову молодежи.

Писатель XV столетія Антонио де Тобара замѣчаетъ, что въ его время публики ничего не читала, кромѣ

похвально изорилъ оубо Амадисъ, Тристанъ, Трима,
леонть и др., а современникъ его Валдесъ съ прискор-
бью сознавая, что онъ похвально дѣлалъ лучшее
дѣло своей жизни на званіе рыцарскія ^{и ниже} и до того
избравши свой вкусъ этой нездоровой пищей, что
стала на токое время неспособна къ какому
серьезному историческому сочиненію.

Вліяніе этихъ развращающихъ воображеніе произ-
веденій, преимущественно на молодое чинъ, было такъ
вредно, что многіе благоразумные люди обращались
къ правительству съ просьбой принять прозвѣ рас-
пространенія этой романтической эпидеміи литературы.

Въ 1553 году Карлъ V издалъ указъ, запрещающій
ввозъ рыцарскихъ романовъ въ американскія владѣ-
нія Испаніи, а два года спустя кортесы обратились
къ императору съ петиціей, тогда подобная литература
была распространена и на Испанію, и тогда вѣтъ,
раньше напечатанные, рыцарскіе романы были пре-
даны сожженію, а новые не могли бы печататься ника-
къ, какъ съ особаго разрѣшенія властей. Но что мож-
но было предпринять относительно колоній, того небы-
ло въ то время относительно Испаніи, гдѣ рыцар-
скіе романы были любимы въ числѣ всего грамот-
наго люда, зная больше, что и самъ императоръ за-
читывался ими, а сынъ его, инфантъ Филиппъ II,

постоянно являлся въ придворныхъ процессионахъ въ костюмѣ французскаго рыцаря, и, если върнѣе Ка, счлго, — вступалъ въ бракъ съ Марией Пюдоръ, дакъ оди, щане, въ случаѣ подвлекенія короля Артура, безире, кословно цесушнуръ ему англійскій престолю.

Изъ этого ясно, что борьба съ рыцарскими романами была смѣлѣе и высокопарноэпическимъ дѣломъ, вполнѣ достойнымъ такого писателя, какъ Сервантесъ. Это дѣло было задано „Донъ-Кихота“, видно изъ предисл., наго этой (первой) главы разговора автора съ однимъ изъ его друзей, который убѣждалъ Сервантеса издавъ „Донъ-Кихота“ и предсказывалъ ему цесуль. „Сражайтесь зомько, чтобъ меланхоликъ разсѣдлѣть, гнѣдъ ваше произведе- дение, и чтобъ веселѣе какъ срадо еще веселѣе. Главное же, не цесуекайре изъ виду вашей цѣли разрушнуръ въ концеу шаркое знаніе рыцарскихъ романовъ, но, рнцельныхъ многими, но превозноснннхъ гораздо болѣеимнхъ колмогесуовѣ людей. Вели вамъ удаеся дослннуръ этой цѣли, го подвннхъ вамъ Бурдѣр не ма- лой.“¹⁾

Книга имѣла законъ рѣшительный цесуль, что въ зомъ же году было напечатано зри новыхъ изданій: од, но въ Мадридѣ и два въ другихъ городахъ. Всема есеесуеенно, что это обезодуеелсубо, послѣ своихъ мно- гихъ неудачныхъ попытокъ Сервантесъ спискалъ себѣ

¹⁾ Ср. Проф. Н. М. Схароветско. Очеркъ исторіи западно-европей- ской литературы. Москва. 1908. Стр. 192—195.